

INSPIRIA

18+

ВЫ
ДРУГ
ДРУГА
СТОИТЕ

*you
deserve
each
other*

САРА ХОГЛ

INSPIRIA

Сирсаке. Ромкомы Сары Хогл

Сара Хогл

Вы друг друга стоите

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Хогл С.

Вы друг друга стоите / С. Хогл — «Эксмо», 2020 — (Cupcake.
Ромкомы Сары Хогл)

ISBN 978-5-04-158803-8

Сколько раз вы слышали: «От любви до ненависти — один шаг»? А что, если все будет наоборот? У Наоми Вестфилд идеальный жених: Николас придерживает двери, помнит ее любимые блюда, а его семья - настоящая мечта для любой невесты. Парочка никогда не ссорится и готовится к роскошной свадьбе, которая состоится через три месяца. И Наоми просто тошнит от Николаса. Она хочет уйти, но есть загвоздка: тот, кто разорвет помолвку, должен будет оплатить свадебный счет. Когда Наоми обнаруживает, что Николас тоже притворяется, они устраивают настоящую эмоциональную войну, где все средства хороши: розыгрыши, шутки и саботаж. С приближением даты свадьбы накал растет. Николас и Наоми веселятся так, как никогда не веселились вместе, расстраивают планы и саботируют друг друга и всех родственников. Решимость Наоми угасает: может, свадьбе все-таки быть? «Вы друг друга стоите» — роман, в котором каждый читатель сможет увидеть себя, искренне посмеяться и умилиться, ведь герои здесь настоящие, обаятельные и очень живые. Уморительная, горячая и невероятно романтическая история от Сары Хогл — это глоток свежего воздуха в мире ромкомов.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-158803-8

© Хогл С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Отзывы	7
Пролог	8
Глава первая	10
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	31
Глава пятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сара Хогл

Вы друг друга стоите

Моему мужу Маркусу и нашим четверым детям. С вами я счастлива везде.

Sarah Hogle

YOU DESERVE EACH OTHER

Copyright © 2020 by Sarah Hogle All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with G.P. Putnam's Sons, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

© Осьминина А.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ОТЗЫВЫ

Эта книга – безупречная порция нежности и веселья. Мастерски написанная милая комедия с неповторимым стилем и красочными персонажами. Николас! Экстаз! Мы влюблены.

– *Кристина Лорен, автор книги «The Honey-Don't List»*

Смешная до слез и одновременно трогательная, одна из моих любимых книг года.

– *Дженнифер Л. Арментроут, автор серии книг «Жду тебя»*

Щемяще-нежная и смешная история о том, что путь к «жили долго и счастливо» редко бывает прямым и простым. Все, когда-либо состоявшие в отношениях, узнают в книге частичку себя. Эта история наполнена эмоциями, юмором и сексуальным влечением – настоящий удар по чувствам.

– *Лисса Кей Адамс, автор книги «The Bromance Book Club»*

Проницательный и остроумный взгляд на жизнь, показывающий, что добиться успеха в отношениях можно только трудом и что в основе романтических отношений лежит верность себе и друг другу. Я проглотила книгу за один присест. Освежающий дебют, будете читать запоем!

– *Саманта Янг, автор книги «Fight or Flight»*

Язвительная героиня, невероятно забавные беззлобные шутки вместе с чудаковатыми персонажами – вы будете смеяться от души.

– *Мейси Эймс, автор книги «Secrets from a Happy Marriage»*

Я не могла оторваться от этой нетривиальной, проникновенной и одновременно уморительной книги! Сара Хогл – мастер комедийных диалогов, и книга прямо искрит от сексуального напряжения; я болела за Наоми и Николаса с самой первой страницы.

– *Кристин Рокуэй, автор книги «How to Hack a Heartbreak»*

Безумно смешная и невероятно душевная история любви. Я в полном восторге!

– *Кэти Макгэрри, автор книги «Эхо между нами»*

Пролог

Наверное, сегодня вечером он меня поцелует.

А если нет, я просто умру. Это наше второе свидание, мы сидим в машине на парковке кинотеатра под открытым небом, притворяясь, что смотрим фильм, а сами украдкой поглядываем друг на друга. Фильм длится чуть больше двух часов, и уже целый час и пятьдесят пять минут потрачены зря, мы так и не поцеловались. Не считайте меня совсем отчаявшейся, но, получается, я наложила столько косметики чуть ли не на треть себя, а на его рубашке ничего не останется? Если все пойдет по плану, домой он поковыляет растрепанный и так густо измазанный моим хайлайтером космического сияния, что сможет отражать свет фар. И еще неделю будет пахнуть моими феромонами, даже если насквозь протрет себя мочалкой.

На намеки я не скупилась: облизывала губы, прикусывала, просто невзначай касалась, всячески привлекая внимание, – совет, вычитанный в «Космополитене». И этот блеск для губ специально разработали в лаборатории, чтобы он магнитом притягивал губы других мужчин, действенный, как распушивший хвост павлин. Низменные инстинкты Николаса просто не смогут сопротивляться. Но блеск также притягивает и мои собственные волосы, и я постоянно чувствую чудовищный вкус лака самой сильной фиксации, от которого слезятся глаза, но иногда красота требует жертв. И кроме всего прочего, моя левая рука изящно покоится на сиденье ладонью вверх, на случай, если он захочет взять ее и никогда больше не отпускать.

Но все мои надежды начинают рушиться, когда он смотрит на меня, а потом быстро отводит взгляд. Может, он из тех, кто ездит в кинотеатры, чтобы как раз фильмы и смотреть. Или, как ни гоню я эту мысль, он просто не чувствует того же. Если так, то сладкоречивые красавцы уже, бывало, высаживали меня у дома и, как раз когда я думала, что все идет хорошо, исчезали, на прощание поцеловав в лоб.

А потом я вижу: вот он, знак, не зря я ела волосы весь вечер! Знак принял форму пустой обертки из-под мятной жвачки в держателе для стаканов. Я осторожно принимаюсь и – о да! – запах мятной свежести! Снова проверяю обертку, и все оказывается даже лучше – их там две! Кто просто так берет две жвачки сразу?

Боже мой, сидящий рядом мужчина так прекрасен – я почти уже верю, что сама каким-то образом заманила его сюда! В Николасе мне нравится все, каждая мелочь. Он не выжидал три дня после первого свидания, а позвонил сразу. Все сообщения написаны без ошибок и непристойных фотографий. Да я уже хочу забронировать зал для свадебной церемонии!

– Наоми? – зовет он, и я моргаю.

– А?

Он улыбается, и так очаровательно, что я тоже улыбаюсь.

– Ты здесь?

Нет, потому что люблюсь его профилем и совсем потеряла голову – ведь это самое начало... чего? Я даже не могу сказать «отношений». У нас было всего два свидания. Наоми, соберись.

– Часто выпадаешь из реальности? – предполагает он.

Я чувствую жар от вспыхнувших румянцем щек.

– Ага. Прости. Иногда люди заговаривают со мной, а я даже не слышу.

– А ты забавная, – еще шире улыбается он. – И симпатичная.

Он считает меня симпатичной? Сердце ёкает, в груди разливается тепло. Мысленно я благодарю накладные ресницы и блузку с глубоким, но все еще элегантно вырезом.

Он рассматривает меня, наклонив голову набок.

– Я говорил, что фильм закончился.

Оборачиваюсь к экрану. И правда. Понятия не имею, что там было в конце, да и сам сюжет не опишу. Кажется, что-то романтическое, но кому какая разница? Романтика в этой машине гораздо интереснее. Остальные зрители уже разъехались, оставив нас одних, и мое воображение не преминуло этим воспользоваться. Произойти может все, что угодно. Ведь здесь только мы с Николасом и...

И розовый кардиган, аккуратно сложенный на заднем сиденье, явно женский – и не мой.

У меня внутри все оборвалось, но Николас, проследив за моим взглядом, поспешил пояснить:

– Это для моей мамы.

Но окончательно я верю, когда он вытаскивает из-под кардигана открытку, в которой рядом с поздравлением написано: «Люблю тебя, мама!» В душе все ликует.

– Это так мило, – говорю я, особенно остро ощущая его близость в замкнутом пространстве машины.

Внутри трепещет рой взволнованных бабочек, на глаза постоянно попадают обертки из-под жвачки. Фильм закончился, так чего же мы ждем?

– Спасибо, что привез меня сюда. Таких кинотеатров сейчас мало осталось. Наверное, всего пара штук на всю среднезападную часть США. – А еще сложнее найти тот, что работает круглый год. К счастью, как посетителям, решившимся на подобное безумство в январе, нам дали бесплатный обогреватель. А с парой пледов необычное зимнее свидание оказалось и вовсе на удивление уютным.

– Вообще-то в штате их восемь, – сообщил он тут же, не задумываясь. Впечатляет. – Есть хочешь? Здесь недалеко киоск, у них лучший замороженный йогурт – ты такого никогда не пробовала.

Замороженный йогурт я не очень люблю (особенно зимой), но мы еще плохо знаем друг друга, поэтому я должна быть само очарование, и если хочу добиться и третьего свидания, нужно показать, что вкус у меня непритязательный. Я просто Наоми, со мной легко и приятно погулять и уж точно приятно встречаться. Может, он поцелует меня после порции замороженного йогурта. И, возможно, расстегнет пару пуговичек на своей рубашке.

– Звучит отлично!

Но он не торопится пристегиваться и заводить машину, медлит, нажимая на кнопки радио, пока не находит жизнерадостную песню в стиле инди, You Say It Too. И я понимаю, что все это время он был таким тихим не потому, что я ему неинтересна, а потому, что он нервничал – как удивительно, ведь все это время от него исходила такая уверенность. Воздух искрит от напряжения, и от предчувствия пульс бешено выстукивает ритм: «Да! Да! Да!»

– Ты прекрасна, – серьезно говорит Николас, повернувшись ко мне. Он колеблется, прикусывает щеку изнутри, и я не могу поверить, что из нас двоих он волнуется сильнее. При его приближении сердце пропускает удар. Склонившись еще ближе, он задерживает взгляд на моих губах, приоткрыв свои, и вот – я уже не могу никого вспомнить, он затмил всех, с кем я когда-либо встречалась. Он умен, очарователен и просто совершенно идеален.

Из-за вставшего в горле комка дышать тяжело, а Николас уже касается моих волос, нежно притягивая мою голову к себе. Он наконец преодолевает последние сантиметры между нами, и во мне загораются предвкушение, изумление – будто от падающей звезды, и у этой звезды есть имя: Николас. По венам струится ощущение невероятной правильности происходящего.

Он целует меня, и я чувствую, что пропала, – именно так я себе это и представляла.

Что за волшебный, невероятный вечер.

Глава первая

Год и девять месяцев спустя

Что за отвратительный, просто чудовищный день. Дождь тарабанит по лобовому стеклу машины моего коллеги, тоже чудовищной, которая пахнет холодной картошкой фри и соснами. Леон постукивает пальцами по рулю, подавшись вперед в попытке разглядеть за окном хоть что-нибудь. Щетки стеклоочистителя работают на предельной скорости, но дождь льет так, будто кто-то разрезал небо прямо посередине и из прорехи вниз с грохотом хлынул океан.

– Еще раз спасибо, что подвез.

– Конечно, обращайся.

Я вдыхаю запах сосны; каким бы ароматизатором ни побрызгал Леон в салоне, теперь этот дух будет преследовать меня весь день. О Леоне я знаю немного, так что вполне вероятно, что в багажнике лежит труп, а освежитель с сосновым запахом просто для маскировки.

– Какой сильный ливень, – говорю я. За Брэнди пораньше приехала сестра, поэтому она помочь не смогла, а Зак сегодня был на мотоцикле, о чем, уверена, уже сто раз пожалел. Подвезти меня предложила и Мелисса, явно надеясь на мой отказ, поэтому так я и сделала. Иногда я себя ненавижу за это желание по-прежнему нравиться ей. С тех пор как я познакомила ее с другом моего жениха, который оказался тем еще бабником, она обращалась со мной очень холодно – решила, что мы с Николасом с самого начала знали, что он такой, и специально уничтожили ее веру в мужчин.

– Да, говорят, неделю не остановится.

– Не повезло детишкам на Хэллоуин.

Леон на мгновение поворачивается ко мне, но тут же вновь переводит взгляд на дорогу – или на то, что от нее осталось. Честно говоря, не представляю, как он может вести машину, потому что лично я не вижу ничегошеньки. Вокруг вообще может быть поле, а не город, я бы и не заметила. Уже самый конец октября, пять градусов тепла. На прошлой неделе я ходила в шортах. А еще за неделю до этого было так холодно, что чуть снег не пошел. Осень в Висконсине просто прелесть.

– Ты будешь раздавать сладости? – спрашивает Леон.

Вопрос скорее риторический. Я люблю сладости и детей, особенно несносных маленьких мальчишек, потому что они забавные. И осень тоже люблю. Весь месяц я пользовалась только золотисто-медными тенями, пытаюсь придать векам то же сияние, как когда нежные лучи закатного солнца падают на грядку с тыквами.

В спальне на полу навалены мягкие свитера, в которых я становлюсь настоящим капитаном морей, сапоги до колена и бессчетное множество шарфов. В каждом блюде чувствуется вкус тыквы. А если я ее не ем, то нюхаю, как настоящий тыквоголик, заставив все доступные поверхности в доме свечами с запахом еды. Тыквенный пирог, яблочный пирог, тыквенная приправа, яблочная тыква.

Мой художественный вкус вызывающе, непростительно прост. Частично на него повлияла продавщица в магазине косметики, сказав, что я – сама осень, видимо, из-за моих янтарных глаз и прямых длинных волос цвета ореха пекан. Но я-то знаю, в глубине своей обожающей шапочки души, влюбленно глазающей на опавшие листья и объедающейся тыквами, что окажись мои глаза и волосы нейтральных оттенков, я останусь простой и скучной. Такая уж ДНК.

И все же у меня нет настроения раздавать конфеты на Хэллоуин. Я даже еще дом не украсила – мое любимое осеннее занятие. Было. Скорее всего, на Хэллоуин я окажусь одна

и буду в пижаме на диване смотреть дурацкие передачи, пока Николас играет в приставку в гостях у друга, или же мы придем и ляжем спать в девять, раздав разочарованным детишкам дешевые зубные щетки и зубную же шелковую нить.

– Может быть, – наконец отвечаю я, потому что меня уже ничего не волнует. Катайся я на карусели или составляй список покупок – уровень энтузиазма все равно будет одинаковым. Мысль грустная, но что расстраивает больше всего, так это что делать с этим я ничего не собираюсь.

– Если бы я жил на какой-нибудь оживленной улице, что-нибудь бы приготовил, – отвечает он. – Рядом с моим домом никто и не пройдет.

Такого понятия, как «оживленная улица», в Моррисе в принципе не существует. Городок настолько крохотный, что его с трудом на карте Висконсина разглядишь. У нас и светофоров-то всего два.

Свет фар скачет сквозь дождь, колеса разрезают реки воды, точно Моисей, заставляющий расступиться Красное море. Будь я за рулем, давно бы уже припарковалась где-нибудь и переждала грозу. Но Леону, судя по всему, вполне комфортно. Интересно, он рубит людей на кусочки и складывает их сочащиеся останки в багажник с таким же доброжелательным выражением?

Нет, Леон никогда не давал повода его в чем-либо подозревать. Сейчас мне бы следовало вежливо поинтересоваться, где он живет, или спросить о чем-то еще, но мое внимание приковано к изумрудным цифрам его электронных часов. Дома ли Николас? Господи, только бы его там не было. Наш магазин, «Барахолка», работает с десяти утра до шести вечера, кроме субботы – в этот день он открыт с одиннадцати до семи. Николас работает дантистом в клинике «Проснись и улыбнись» на главной улице Лэнгли, по которой мы сейчас и едем, и заканчивает он в шесть. Обычно я успеваю добраться домой первой, потому что он заезжает к родителям – привезти своей матери кофе, прочитав вслух какое-нибудь непонятное письмо или выполнить любые другие жалобы, о которых она громогласно нудит ему каждый божий день. Больше двадцати четырех часов без любимого сыночка – и все, сбой в системе.

Этим утром оказалось, что у меня спустило шину. Разглядывая масштабы проблемы, я вдруг вспомнила, как год назад Николас заметил, что меня нужно научить менять колеса. Оскорбленная обвинением в предполагаемом невежестве, я поставила его на место, сообщив, что вот уже несколько лет как прекрасно разбираюсь в процессе. Я современная, ответственная и самодостаточная женщина и с собственным транспортным средством справлюсь сама, никакой мужчина не нужен.

Дело в том, что на самом деле я понятия не имею, как менять колеса.

Погода с утра стояла приятная, грозы ничто не предвещало, так что я пошла пешком, что и привело меня в нынешнюю затруднительную ситуацию – в машину Леона, потому что возвращаться на своих двоих я точно не собиралась. Свитер-то кашемировый.

Моя маленькая ложь про собственные умения слегка вышла из-под контроля, когда отец Николаса, приверженец прискорбно устаревших убеждений, высказал мнение, что женщины не умеют менять в машине масло. Я тут же возразила в ответ:

– Я вас попрошу! Лично я постоянно меняю масло! – Не могла же я не вступить за права женщин. Кто стал бы меня винить? Потом я, кажется, похвасталась, что как-то сама поставила амортизаторы и тормозные колодки и вообще никогда не обращалась к автомеханику. Николас, как мне известно, по природе подозрителен и с тех пор каждый раз, когда с моей машиной что-то случалось, пытался подловить меня. Но профессиональным механиком я «случайно» становлюсь исключительно в рабочие дни, так что в деле он меня никогда не видел. Как преступник, я тайком шмыгаю в «Автомастерскую Морриса» и плачу Дэйву наличными. Дэйв – хороший человек. Он пообещал не выдавать меня и позволил присвоить лавры за свою работу.

В таком ливне каждое здание на улице Лэнгли кажется холодным сизым пятном. Мимо нас проплывает клиника «Проснись и улыбнись» в стиле Клода Моне, и я молюсь, чтобы у Николаса не оказалось ястребиного зрения и он не смог разглядеть меня в чужом автомобиле. Если до него дойдет слух, что на машине я не поехала, он точно спросит почему, а уважительной причины у меня нет. Тогда он обнаружит, что о своих суперспособностях я все наврала, и меня настолько выведет из себя его напыщенное выражение в стиле «Я так и знал», что приступа угревой сыпи на нервной почве не избежать. Какое он, в конце концов, имеет право сомневаться в моих способностях механика? Это же сексизм, считать, что я не разберусь с негерметичными шлангами, или абразивным ремнем, или от чего еще там машины делают «дын-дын-дын». Николас должен считать всю мою ложь правдой.

Мне хочется, чтобы Леон поторопился, даже несмотря на то, что дорога скользкая, но умирать в этой машине, пахнувшей так, будто он запихал за решетку радиатора целый лес, желания нет. Пытаюсь придумать, как бы так попросить его подвергнуть свою жизнь смертельной опасности, чтобы я успела посмотреть обучающие видео на «Ютубе» до возвращения Николаса. Ради поддержания моего обмана мы можем вылететь с дороги, так стоит оно того? Да. Да, стоит. Я так долго пестовала свою ложь, а теперь она возьмет и из-за какого-то дождика с треском провалится?

Подбираю с пола пустой стаканчик из-под кофе навynos и переворачиваю.

– Значит, «Данкин Донатс»? Смотри, чтобы Брэнди не узнала.

Сестра Брэнди – хозяйка кофейни «Синий тюльпан», а сама Брэнди ее представитель в «Барахолке». Если покупаешь кофе в крупной сети, спокойной жизни не жди.

– Ох, знаю, – усмехается Леон. – Приходится скрываться, точно это постыдный секрет. Но у «Данкина» кофе вкуснее, и потом, не забывай про мою преданность имени – ничего удивительного, если у тебя с «Данкин Донатс» одна фамилия.

– Твоя фамилия Донатс? – спрашиваю я как полная идиотка, уже через долю секунды осознав очевидную ошибку.

– Моя фамилия Данкан, Наоми. – Леон бросает на меня быстрый взгляд, точно хочет сказать: «Ты серьезно?», потому что вообще-то я должна была знать, так как работаю с ним в «Барахолке» с февраля. На самом деле это не барахолка в прямом смысле, а семейный магазин. Но Леон куда воспитаннее меня, поэтому вместо этого его взгляд говорит: «В самом деле, вполне понятное предположение, как мне кажется».

Мечтаю открыть дверь и вывалиться из машины, но сдерживаюсь. Снаружи муссон, и тогда медные тени для век просто стекут по щекам. С такой ограниченной видимостью я забреду на проезжую часть, и меня кто-нибудь переедет. В газете появится мое черно-белое фото с помолвки с уведомлением, что вместо цветов семья жениха просит внести пожертвования в их благотворительный фонд «Книжные ряды», и все средства пойдут на отправку бедным школам пособий о гигиене полости рта.

На краткий миг меня охватывает смятение, потому что именно так все бы и случилось, и я ехидно думаю, что сама выбрала бы цветы.

И вот наконец, наконец мы въезжаем на нашу улицу. Я уже отстегиваю ремень безопасности, но тут вижу белый домик с моим старым добрым «Сатурном», а перед ним – золотой «Мазерати», вопиюще выделяющийся из окружающей среды.

Николас дома, будь оно проклято!

Стоит на пороге с сегодняшней почтой в руках и кожаным портфелем под мышкой, дверь открывает. Единственный раз мне понадобилось, чтобы после работы он поехал нянчиться со своей матерью, а он, как болван, приперся сразу домой. Гляжу на свой автомобильчик и тяжело вздыхаю: шина так сдулась, что всю машину перекосило. Понадобится чудо, чтобы Николас этого не заметил. «Сатурн» выглядит жалко рядом с эффектным «Мазерати», настолько чуже-

родно смотрящимся в Моррисе, что все знают, кому принадлежит автомобиль, со свистом проносящийся на едва загоревшийся красный свет.

В отличие от него у Леона – настоящий монстр Франкенштейна, состоящий из разных японских деталей. Большая часть корпуса – матового серо-синего цвета, кроме двери водителя (красной и проржавевшей) и багажника (белого и плохо закрывающегося), дребезжащего всю дорогу, что, видимо, объясняет мои навязчивые мысли о ком-то связанном и с кляпом во рту. Бедный Леон. Знаю, говорят, в тихом омуте черти водятся, но ко мне он всегда был очень добр и косых взглядов не заслуживает. Он все же, наверное, не Джек Потрошитель.

– Увидимся вечером, – говорит он.

Брэнди почти каждую пятницу устраивает игровую вечеринку и зовет Зака, Мелиссу, Леона и меня, с подразумевающимся постоянным приглашением для наших вторых половинок. Николас никогда не бывал ни на вечеринках Брэнди, ни на барбекю Зака, ни на загородных пикниках с мини-гольфом Мелиссы, что меня вполне устраивает. Он может заниматься своими делами с собственными друзьями, которые ему даже не нравятся, но с которыми перестать общаться не может просто потому, что заводить новых друзей в тридцать два года очень сложно.

Я подхожу к дому, когда вдруг слышу оклик Леона:

– Привет, Николас!

Николас обескураженно машет в ответ. Обычно стоит ему столкнуться с моими коллегами, они игнорируют друг друга.

– Привет?

– Придешь сегодня к Брэнди? – спрашивает Леон.

У меня вырывается смешок, потому что, конечно же, Николас не придет. Никому там он не нравится, поэтому он просто просидит всю игру с надутым и подозрительным видом, испортив мне все удовольствие. Если он придет, мои друзья (я все еще считаю Мелиссу другом, хотя она явно этого не хочет, но я все же надеюсь, что когда-нибудь она снова подорожает) могут заметить, что мы вовсе не парочка голубков в райском гнездышке, которое я старательно показывала в сторис в «Инстаграме». В каком-то смысле то, что Николас моих друзей избегает и не подходит достаточно близко, мне очень на руку, потому что они ничего не подозревают. Со стороны наши отношения вызывают зависть, в отличие от реального положения дел.

– И чего ты смеешься? – уязвленно спрашивает Николас.

– Ты никогда не ходишь на игровые вечеринки. Почему он вообще спросил? – Я кричу Леону: – Нет, он занят!

– Жалко, – отвечает Леон. – Если вдруг получится, тебе всегда рады, Николас.

– А знаешь что, – прищурившись и глядя мне прямо в глаза, протягивает Николас. – Пожалуй, я приду.

Леон жизнерадостно машет, что совсем не вяжется с моей реакцией, которую я поспешно скрываю.

– Супер! Увидимся, Наоми. – С этими словами он садится в машину и уезжает.

Такая простая фраза, «увидимся, Наоми», – а у меня мелькает странная мысль.

Сколько времени прошло с тех пор, как кто-то видел меня по-настоящему? Меня, какая я на самом деле, – человека, прожившего на свете уже двадцать восемь лет и двадцать шесть из них даже не знавшего о существовании Николаса Роуза. Я медленно истекала кровью, избавляясь от того, осталось что во мне от Уэстфилд, готовясь стать Наоми Роуз. Почти миссис Роуз. Почти два года я была половинкой целого, но половинкой ли? – стал недавно спрашивать червячок сомнений внутри.

И когда кто-то по-доброму называет меня «Наоми», я ощущаю себя той прежней девочкой. На краткое время, пока машина Леона не скрывается из виду, я снова Наоми Уэстфилд.

– Ты не хочешь, чтобы я пошел с тобой, – обвиняюще замечает Николас.

– Что? Не смейся. Конечно, хочу.

Я одариваю его самой широкой улыбкой. Чтобы она казалась искренней, нужно, чтобы и глаза тоже улыбались. По-настоящему. Каждый раз, когда приходится так делать, я представляю, что смотрю на него в зеркало заднего вида, жму педаль газа и мчусь прочь из города и от него и никогда больше его не увижу.

Глава вторая

По телевизору идет размягчающая мозги ерунда, я сижу на диване и краем уха слушаю жалобы Николаса на друга его друга, который пару раз в месяц приходит в парк играть с ними в футбол. Он считает, что играет лучше Николаса, лучше Николаса разбирается в игре, и однажды Николас все ему выскажет. Кажется, эта история повторяется с самого нашего знакомства. Ну хотя бы он поверил в мою выдумку о прогулке до работы: я собираюсь изменить образ жизни, и теперь мое новое увлечение – ходьба. Николасу тоже стоило бы последовать моему примеру и ходить на работу, а не разрушать нашу планету вредными выбросами, усугубляющими парниковый эффект. Нет, в самом деле, ему есть чему у меня поучиться.

Я позволяю ему выпустить пар. Киваю, соглашаюсь, как милая идеальная невеста, чью роль сейчас играю, но на самом деле чувствую, что могу развалиться на куски в любой момент.

Актриса из меня хорошая, могу гордиться своим талантом. А предмет гордости Николаса – что он, как ему кажется, знает обо мне все. Постоянно всем рассказывает, что я ничего не могу от него скрыть. Прозрачная, словно воздух, и столь же содержательная в интеллектуальном плане. То, что он смотрит мне в глаза и верит, что я по уши влюблена в него, – доказательство моей потрясающей игры, и ничего он обо мне не знает, даже не догадывается.

В коэффициентном соотношении я бы сказала, что влюблена в Николаса на сорок процентов. Может, не стоит говорить «влюблена», ведь есть разница. Влюбленность – неистовство, безрассудство. Трепет. Ощущение падения. Нервная дрожь, готовящееся выпрыгнуть из груди сердце, чувство невероятной правильности происходящего – во всяком случае, так говорят. У меня этого нет. Я люблю его на сорок процентов.

Все не так плохо, как звучит, сами подумайте о ваших знакомых парах. Многие из них, если, конечно, будут откровенны, остановятся на цифре куда ниже той, чем смогут признать вслух. Правда в том, что вряд ли оба человека в одно и то же время постоянно чувствуют друг к другу стопроцентную любовь. У них может по очереди быть семьдесят пять, личный рекорд, а в остальное время – держаться на отметке в шестьдесят процентов.

Да, я жалкий циник (свежеприобретенное качество) и мечтательный романтик (всегда была), и это такое отвратительное сочетание, что сама не знаю, как себя терплю. Будь я кем-то одним, может, кивала бы и соглашалась с Николасом, сияя улыбкой, а не ныряла с головой в любимые мечты, сбегая от реальности. В сегодняшней фантазии я стою у алтаря рядом с Николасом. Священник спрашивает, знает ли кто-то причину, по которой этот брак не может состояться, и тут встает один из гостей:

– Я возражаю.

По церкви проносится общий вздох: это Джейк Павелка, одиозный участник четырнадцатого сезона шоу «Холостяк».

Но в реальной жизни Джейк Павелка не придет на мою свадьбу и не вмешается, и мы с Николасом будем обречены на совместную жизнь. В голове вспыхивает календарь, и мне делается дурно от того, как мало времени у меня осталось. От мысли, что придется сказать «я согласна», сердце пускается в сумасшедший галоп.

Внутри меня все рушится, а Николас даже не замечает.

Все нарастает как снежный ком. Только мне кажется, что это странное чувство пропало, на душе снова спокойно и все недовольство подавлено, как маятник качается в обратную сторону. Иногда ощущение возвращается перед самым сном. Или когда я еду домой с работы, или ужинаю, что означает моментальную потерю аппетита и необходимость придумывать приемлемое оправдание.

Из-за моих отговорок Николас считает, что у меня чувствительный желудок, а ПМС длится три недели. Мы часто обсуждаем количество потребляемого мной глютена, и я делаю

вид, что рассматриваю возможность исключить из своего меню сахар. Вот что случается, когда ты одиннадцать месяцев встречаешься с парнем, а потом, не успев начать жить вместе и узнать человека в повседневной жизни, соглашаешься выйти за него замуж. Должна сказать, согласиться на Николаса-бойфренда и впоследствии получить Николаса-жениха было каким-то разрешенным законом надувательством. Я-то думала, что, заполучив его, я сорвала джекпот, но после вручения кольца меня низвели на Вечное Второе Место.

Когда я одна, или когда все равно что одна, потому что между мной и компьютером он выбирает второй вариант, хотя бы можно позволить мышцам лица отдохнуть от постоянных улыбок. Не нужно тратить энергию, притворяясь, что все в порядке. Но я не разрешаю себе погружаться в темные воды навязчивых мыслей слишком надолго, даже если хочу, потому что боюсь, что если выпущу своего внутреннего Моррисси и начну отрешенно тарашиться в стену, размышляя, почему я так несчастна, то снова сложить и аккуратно убрать обратно в ящичек «на потом» эти мысли будет уже невозможно.

Возвращаюсь в реальность я вовремя, прямо к ключевым словам тяготно вещавшего что-то Николаса: Стейси, запрет на хаки, датчик уровня топлива. Ага, сумел объединить три любимые жалобы в одну гневную тираду. Он ненавидит новую форменную одежду, которую пытается внедрить доктор Стейси Мутиспоу, подразумевающую исключительно черные брюки, а не его любимые, цвета хаки. Он ненавидит Стейси. Ненавидит датчик уровня топлива своей дорогой машины, винит его (совершенно безосновательно) в том, что не показал пустой бак, как раз когда он на прошлой неделе уехал из города.

Придав лицу сочувственное выражение, я заверяю его, что хуже Стейси человека во всем мире не сыскать и что запрет на ношение хаки – дискриминация. Я верная невеста, возмущаюсь и разделяю его обиды и готова сражаться со всеми его горестями.

Интересно, как «актриса» становится своеобразным синонимом «профессиональной лгуньи».

Сейчас я постоянно обманываю нас обоих и не знаю, как остановиться. Свадьба через три месяца, и если я выложу Николасу все как на духу о своих панических приступах, он решит, что это просто нервы, что это нормально. Он опишет одним этим словом все мои переживания и вычеркнет из памяти. Никакого восторга или предвкушения свадьбы у меня нет с тех пор, как ее забрали у меня, вырвали право принимать решения прямо из рук. И собственное осознание тревожит меня. Если я не горю желанием выйти замуж, то что же я, черт побери, делаю?

Но сейчас проблема заключается не только в его настырной матери; она серьезнее, чем извечный спор о том, где провести медовый месяц или каких размеров будет торт, что меня уже не волнует, так как мне запретили заказать лимонный. *«Никто не любит лимоны, Наоми»*. Я так долго прокручивала в голове все несправедливости, что мое медленно булькающее негодование вырвалось из кастрюли и залило Николаса целиком, не разбирая. Несмотря ни на что, я настолько заботлива, что закупориваю все негативные чувства и не делюсь с ним. Он бы все равно ничего не понял.

Если он спрашивает, что не так, и не может решить проблему парой ободряющих фраз, Николас раздражается. Еще моя мама как-то сказала, что нельзя говорить мужчинам о проблемах, которые они не могут решить, потому что они обязательно попробуют, у них не получится и их просто перемкнет.

Это мой случай? Я даже не знаю, в чем у меня проблема. Вероятно, проблема – это я сама. В Николасе много хорошего, я даже написала список в зашифрованном документе у себя в компьютере. И перечитываю его каждый раз, когда мне необходимо вспомнить, что Все В Порядке.

Хочется проглотить волшебную таблетку и почувствовать себя абсолютно счастливой. Хочется влюбленно тарашиться на Николаса, пока он беспомощно ищет миски в кухонных шкафчиках. Мы живем вместе десять месяцев, а он до сих пор не знает, где что лежит.

Наши имена так романтично смотрятся вместе. Николас и Наоми Роуз. Вы когда-нибудь слышали что-нибудь милее? И детям мы дадим созвучные имена на букву «Н». Сына назовем Натаниэль. Его бабушка и дедушка к моему бессильному негодованию сократят его до «Нат». А девочку – Ноэль. Вторым именем обязательно будет Дебора, в честь миссис Роуз, потому что это же традиция, аж целого одного поколения. Сестре Николаса велели сделать то же самое, так что если мы все подчинимся, однажды появится целая династия маленьких Дебор.

Закрываю глаза и пытаюсь представить, каково это – вырасти биологической дочерью этой женщины, и картинка настолько чудовищна, что приходится стереть ее другой, счастливой, где фигурирует еще один претендент на мое сердце, Руперт Эверетт. В образе Доктора Кло из «Инспектора Гаджета» 1999 года он врывается в церковь Сент-Мэри и борется с Джейком Павелкой за право решить, кто же женится на мне. У одного из них механический протез-коготь, так что силы неравны. «Ну-ка не спешите!» – раздается еще один голос. Я поднимаю голову и вижу Кэла Хокли, непонятого героя из «Титаника», который спускается с потолка как супергерой, зажав в зубах «Сердце океана». «Это тебе, Наоми! Единственной женщине, которая его достойна». Николас, обернувшись, громко возмущается и быстренько проваливается в подвальный люк.

С заметным усилием я заставляю себя посмотреть на Николаса и попробовать почувствовать бабочек в животе. Он же ответственный. И фильмы мы любим одни и те же. Готовит хорошо. Мне нравятся эти качества в мужчине.

– Наоми, – зовет он, хлопая дверцами шкафов, – где у нас контейнеры «Таппервэр»? Я собираюсь забежать в магазин за печеньями и завтра завезти их в офис. Как думаешь, хорошо? У меня ведь выходной. Никто больше не заезжает просто так, привезти перекусить.

«Проснись и улыбнись» обычно закрыты по выходным, но раз в месяц в специально выделенную субботу несколько сотрудников приходят, и чтобы было не так обидно работать в выходной, все приносят с собой что-нибудь вкусненькое.

– Хочу, чтобы казалось, будто я сам их испек, – тем временем продолжает он. – Или они мне это потом еще тысячу раз припомнят. Стейси утверждает, будто я никогда не прилагаю дополнительных усилий. Будут ей усилия.

Тут я поступаю непростительно и в душе соглашаюсь со Стейси. Николас не пытается сделать больше, чем от него ждут, особенно в том, что касается меня. Он не подарил мне цветов на День святого Валентина, и это не страшно, потому что, видимо, цветы – это глупости. Он напомнил мне, что они же просто умрут. Так что на Валентинов день мы сидели в разных комнатах и отмечали друг друга в сопливых постах на «Фейсбуке». Нам ведь не нужно говорить друг другу ласковые слова вслух, мы же и так знаем, что такое Настоящая Любовь.

Можно потратить деньги на что-то более разумное, чем на ужасно дорогое украшение (если это украшение для меня) или растения, которые медленно загнуты через неделю и превратятся в ил (опять же, если цветы для меня). Вместо этого можно откладывать деньги на что-то получше, вроде теннисного браслета и целого сада для его матери.

На годовщину цветы мне тоже не дарили, и ничего страшного, потому что мы же знаем, что такое Настоящая Любовь, и нам не нужно ничего друг другу доказывать. Своей матери он покупает цветы после косметической омолаживающей операции, потому что она ждет этого, но я же разумный человек. Я все понимаю. И знаю, что они мне не нужны, в то время как миссис Роуз просто необходимы. Он так рад, что мы никогда не превратимся в его родителей.

На нашу годовщину мы не пошли на свидание, даже выходной не взяли, чтобы побыть вместе, и вообще никак не выделили этот день. Мы же спокойные и уравновешенные, не то что его родители. Наша любовь настолько Настоящая, что мы можем сидеть и смотреть футбол, будто ничего особенного в этой дате нет, просто еще один день. Все дни одинаковые. Все дни как наша годовщина.

На языке уже вертится ответ, но я заталкиваю его поглубже, заставляя себя подобрать другие слова.

– В шкафчике над микроволновкой.

– Спасибо. Слушай, а у тебя не получится их сегодня приготовить? Стейси сможет отличить домашние от покупных. А я не хочу слушать ее брюзжания.

Я окидываю его презрительным взглядом, которого он не видит.

– Нет. Я иду к Брэнди.

– Так и я тоже, но у нас еще куча времени, разве нет? Мне нужно заскочить в душ, а ты все равно ничего не делаешь, просто сидишь. Можешь прямо быстренько замесить тесто, на скорую руку?

– А ты не можешь сам все завтра сделать? Зачем вообще они тебе сию секунду понадобились?

Он включает духовку – хоть бы проверил, есть ли у нас все необходимые ингредиенты. Наверное, считает, что я чего-нибудь намешаю из ничего, как мышки Золушки.

– Вот еще, вставать до зари ради пары десятков печений. Легче сегодня сделать. Стейси повезло, что я вообще это делаю, – уже тише ворчит он, – ведь даже не моя смена... посмотрим, как ей самой понравится в кои-то веки поработать в субботу!

Я смотрю на Николаса, и внутри меня все кипит. Он считает, я не знаю, что он задумал. В душ он так рвется именно сейчас, только чтобы получить право не печь печенья самому, а попросить меня. Так всегда происходит: возвращаемся домой из магазина, и он сразу же делает вид, что у него срочный звонок, лишь бы покупки не разбирать.

Николас вытаскивает миски и очень заблуждается, если считает, что я потом все уберу и помою, и все это ради кого-то, кого он презирает. Стейси может давиться покупными сахарными печеньями, как и все мы. Почему вообще он решил их принести? Они же дантисты. И должны питаться сельдереем.

Я обдумываю, стоит ли попробовать убедить его остаться дома, но вспоминаю, что кто-то должен отвезти меня к Брэнди. Даже пытаться менять колесо не буду, пока он не уедет хоть на какое-то время. Его зазнаистая привычка повторять «А я же говорил» выводит меня из себя, поэтому признаться не смогу. Так что приходится быть настолько упрямой, насколько он вредный.

– Спорим, если бы ты сказал о печеньях своей маме, она бы тебе за двадцать минут приготовила, – лениво отвечаю я. – В форме больших красных сердец с твоими инициалами в глазури.

– Кстати, о маме, – откашлявшись, начинает он. – Она поговорила с портнихой о нарядах для девочек, которые понесут цветы, проверила размеры. И мы оба так радовались, просто до ужаса, что у них есть возможность нам помочь. – На этих словах я прямо чувствую, как душа сжимается, скукоживается и – пуф! – проваливается в пятки. – Все знают, что обычно за свадьбу платят родители невесты, так что нам повезло, что мама с папой так нас поддерживают.

Да, поддержка та еще. В голове возникает картинка моего свадебного платья из плотной ткани, которая белее, чем новые зубные протезы будущего свекра, А-силуэта и на размер меньше, потому что его жена хочет, чтобы я была амбициозной. Я хотела кремово-розовое, с завышенной талией, но мне возразили, что так я буду выглядеть на четвертом месяце беременности. Николас сказал матери, что мы решили подождать с близкими отношениями до свадьбы, потому что Дебора Роуз до смешного старомодна, и нам ничего не остается, кроме как сдуть с нее пылинки и лгать. Так что, когда она заявила, что я выгляжу беременной, мне страшно хотелось ответить, что будет двойня.

Тем днем я вышла из магазина свадебных платьев с психологической травмой и без гроша в кармане – мне выставили счет на три тысячи долларов. Чтобы сохранить репутацию, я настояла на покупке пополам, так что остальные три тысячи заплатила миссис Роуз. Шесть. Тысяч.

Долларов. За одно платье. Меня преследуют красные заглавные буквы на пластиковом мешке, в котором томится материал на шесть тысяч долларов, готовящийся лишить меня праздничного пира, так как есть я в таком наряде точно не смогу (а ведь эту часть я ждала больше всего!): ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖИТ.

Также они предложили своей живущей в другом штате дочери Хезер, с которой я познакомлюсь только на свадьбе, роль главной подружки невесты. Я очень расстроилась, на что мне сообщили, что кому же, как не ей, занять это место, если она станет моей невесткой? Брэнди, моя ближайшая подруга, была абсолютно раздавлена.

Кроме этой должности на мою свадьбу Хезер получит кремово-розовое платье с завышенной талией, как и остальные подружки невесты, но не все, а только со стороны жениха.

Николас хочет, чтобы я это все проглатывала и терпела, пока меня топчут, как уже научился он, а если устрою скандал, пусть даже ради собственной защиты, ему это будет крайне неудобно. Ради сохранения мира я вытерпела столько мерзостей, что мне уже должны были выдать диплом святого. Вслух не возражаю, раздражения не показываю, но он точно его чувствует, потому что в такие дни всегда старается меня избегать. Задерживается на работе допоздна. Проводит у родителей больше времени, чем у нас дома. А когда все же приходит, то будто едва выносит мое общество, дожидаясь, когда же наконец сможет сбежать в свой кабинет и сидеть в компьютере до ночи. Мысленно я называю его «компьютер Карен», как звали компьютерную жену Планктона в «Губке Боб Квадратные Штаны».

У родителей Николаса денег – куры не клюют, и на свадьбу они уже истратили порядочно. Неважно, что говорит Николас, они это делают не потому, что хотят быть милыми, или потому, что я им нравлюсь. Я лишь инкубатор для будущих Роузов, как и любая бывшая девушка Николаса.

Шаг влево-вправо – и его родители немедленно напоминают, как же мне повезло с ними и как много им пришлось заплатить. Мне не нужно на свадьбу лучшее шампанское в стране, подошло бы и вино из пакета. Но нет, для их Никки – все только самое лучшее.

Не волнуйся, Никки. Мамочка с папочкой обо всем позаботятся. Я же знаю, что родители Наоми не могут. Мистера Уэстфилда ведь выгнали с работы, да? А миссис Уэстфилд просто школьная учительница! Как оригинально. Мистер и миссис Уэстфилд едва смогут позволить себе расходы на бензин и свои порции праздничного обеда, бедняжки. А теперь запомни, Наоми, не сутулься. И выбери какое-нибудь другое выражение, пожалуйста. Может, тебе вообще все лицо поменять. А цвет глаз возможен только такой? Точно? А каблуки ты носишь? Да не эти, как у стриптизерши. Ты же станешь одной из Роузов, дорогая. Это имя кое-что значит. Сядь ровно. Не крути кольцо. Ты же нам как дочь, мы так тебя любим. Иди к нам, сделаем семейный портрет, встань прямо за нами и втяни живот.

В общем, целый шведский стол на выбор, но все же больше всего я ненавижу то, что мистер и миссис Роуз по-прежнему называют своего сына Никки. Он даже не разрешает мне называть себя Ником. А когда они не называют его Никки и не целуют в щечки, будто ему пять лет, то обращаются только «доктор Роуз» и ксерокопируют его дипломы дантиста, которые вешают в собственном кабинете. Они замещающие дантисты и читают своим друзьям лекции о болезнях десен.

Я уже просто не могу выйти из игры. Все будут сплетничать, распространять слухи, а я буду выглядеть полной дурой, неудачницей. Потрачу тысячи долларов. Выхода нет, только глубоко вдохнуть и продолжать.

Смотрю на Николаса и понимаю, что, вообще-то, собираюсь выйти за этого человека замуж. Потому что люблю его (сорок процентов) и потому что слишком боюсь все отменить (шестьдесят процентов). Все, включая его родителей, говорили, что до алтаря мы не дойдем. А у меня столько гордости, что я скажу «я согласна», только чтобы доказать их неправоту.

– Отлично, не надо мне помогать, – обиженно пыхтит Николас, кидая на меня недовольные взгляды. Я испортила ему вечер. Восхитительно. – Я буду носиться тут как сумасшедший, уже и так на взводе, но что здесь нового?

– Молись, сестра, – бормочу я себе под нос. Он ворчит, хлопает дверцами шкафчиков, что доставляет мне странное удовольствие. В конце концов, горе любит компанию. И если мне предстоит весь вечер лелеять злобные планы, я вполне могу утянуть его в эту трясику за собой.

Глава третья

Мы останавливаемся у дома Брэнди, и Николас, разглядев на крыльце Зака, раздраженно косится на меня.

– Чудесно. Тот парень тоже здесь, – бормочет он, притворяясь, что не знает его имени. Все он знает. Но целый вечер будет делать вид, что не помнит, как кого зовут, словно они недостойны его внимания – своеобразная месть за их неприязнь.

Зак ничего не делает, просто гладит сидящего на перилах кота, но я тысячу раз жаловалась на него Николасу, что он таскает у меня еду из ланч-бокса и постоянно прогуливает смены, никого не предупредив, так что как бы меня ни тянуло спорить с каждым его словом, я смотрю на свои карты и решаю, что в этом раунде – пас.

– Как долго мы должны оставаться? – ворчит он. – А еда какая-нибудь будет? Даже перекусить не успел. И допоздна сидеть не хочу. У меня дела завтра. – Можно подумать, это я заставила его пойти.

Пытаюсь вспомнить, каково это – влюбиться, и не могу. Наверное, все слишком быстро закончилось.

Он, похоже, чувствует, что я уже теряю терпение, поэтому, когда я с силой хлопаю дверь, молчит и медленно идет за мной, засунув руки в карманы, точно его на электрический стул ведут.

Когда все наоборот, то есть во время встреч с друзьями Николаса, я так себя не веду. У меня всю жизнь круги под глазами, но каждый раз они спрашивают, не заболела ли я. Каждый. Чертов. Раз. Среди них и бывшая девушка Николаса, поэтому я знаю, что так она просто хочет насолить мне.

Зак прищуривается при виде моего хмурого спутника, недовольно бредущего по подъездной дорожке. Отпустив кота, он, глядя прямо на Николаса, подносит к губам бутылку пива и осушает ее большим глотком, сжимая горлышко одним пальцем.

– Так-так-так, – ухмыляется Зак. – Смотрите, кто почтил нас своим присутствием.

Николас старается не отвести взгляд первым, чтобы не проиграть в их каком-то мужском противостоянии, но выглядит встревоженно. Зак пропускает меня вперед – первый галантный жест за все время – и проскальзывает следом, хлопнув дверью прямо перед носом не успевшего подняться на последнюю ступеньку Николаса.

Свирепо глянув на Зака, запускаю в дом своего пострадавшего жениха, с которым в жизни так грубо не обращались. Он потом непременно позвонит своей матери и все расскажет. Зак в ответ смотрит на меня со своим фирменным непроницаемым выражением, пожимает плечами и проходит в кухню, не оборачиваясь.

Николас в эту часть моей жизни не вписывается, и мы оба это знаем. Он здесь только потому, что воспринял мой смешок как вызов, а в злопамятности он мне не уступает. Вечер потерял свою прелесть, и меня охватывает предчувствие, что все это плохо кончится.

«УЕЗЖАЙ ПРЯМО СЕЙЧАС», – пишу я Николасу. Прошло всего полчаса, а он уже пять раз ходил в ванную погладить кошку Брэнди, спрятанную подальше, чтобы у меня не начался приступ аллергии. Из-за этих его бесконечных побегов к кошке мы не можем нормально играть в «500 злобных карт», и все начинают потихоньку терять терпение. Выбравшись из своего убежища, он увлеченно прожигает меня взглядом и, засмотревшись, случайно наступает на одну из масок Брэнди, упавшую со стены. Раздается треск.

В коридоре у Брэнди развешана целая коллекция искусно вырезанных деревянных масок, изображающих морды животных – дань памяти предкам народа юпики, коренного населения Аляски. Большинство животных – те, что встречаются на Аляске: медведи, тюлени, волки.

Брэнди всю жизнь мечтает переехать в юго-западную часть Аляски, откуда родом ее родители, и мы частенько просматриваем сайты недвижимости в поисках идеального домика. Но пока что она пытается привнести дух Аляски сюда, купив мебель из кедра и обустроив искусственный камин.

– Ай да молодец, – говорит Зак.

Николас краснеет, запустив руку в волосы и потирая шею.

– Прошу прощения. Что... э-э-э, что это такое? Я куплю новую.

Если Брэнди и расстроена, то виду не подает.

– Ничего страшного. Немного клея для дерева, и будет как новенькая! – Она подбирает то, что осталось от маски, и поспешно уносит в кухню.

– Я могу заплатить за новую, сколько она стоила?

– Пусть заплатит, – поддерживает Зак. – Он только на это и способен. Как, Док, неужели уже уходишь? Явился сюда, все сломал...

– Это случайность, – шиплю я в ответ, глядя Николаса по плечу. Он напрягается и отстраняется. Я вижу, что Мелисса это заметила, и снова придвигаюсь ближе.

– Ничего страшного! – щебечет Брэнди с каким-то лихорадочным выражением. – Все в порядке. Давайте играть! – Она очень серьезно относится к своим обязанностям хозяйки дома, поэтому торопится сразу сгладить все углы. Николас мог бы разбить все маски в доме, а она бы улыбнулась и извинилась, что развесила их по стенам, где каждый может на них наступить. – Всем весело? Да? Здорово!

Николас переводит взгляд с Зака на Мелиссу, которые о чем-то с ухмылкой шепчутся. Я сижу далеко и не могу разобрать слова, но Николас слышит и стискивает зубы.

Мелисса хихикает. Смотрит на начищенные туфли Николаса и снова наклоняется к Заку. Отвечает он тоже тихонько, но последние слова специально произносит четко: «Слишком стареется».

– Как там твой зуб? – спрашивает Николас отнюдь не дружелюбным тоном. Как-то Зак пришел к нему с зубной болью, а узнав, что нужно удалять нерв, поднял бучу из серии: «Всем дантистам нужны только деньги!» и «Дантисты раздувают из мухи слона, чтобы облапошить страховые компании!». Кто-то в приемной записал целых шесть минут этой тирады и выложил в интернет, на страничку «Проснись и улыбнись» на сайте Yelp¹. С тех пор они ведут себя в стиле опереточных заклятых врагов.

Зак одаривает его неискренней улыбкой:

– Прошел. – Неправда. Зак отказался снова идти к врачу и теперь на правой стороне жевать не может. – Я пошел в клинику Турпинов, всем советую.

– Слушайте, у меня идея, – вмешалась я. – Может, уже поиграем?

Мелисса вторит Заку, игнорируя меня:

– У Турпинов все гораздо профессиональнее.

– А не заносчивые коновалы.

– Давайте... – начинает бедная Брэнди. – Давайте продолжать. Все в порядке. Чей сейчас ход? – Сейчас она похожа на измученную воспитательницу в детском саду.

– Я и не против, – мило произносит Мелисса. А потом смотрит на Николаса: – У тебя что, какие-то проблемы?

Зак в восторге. Он обожает драмы и, конечно же, хочет, чтобы у кого-нибудь были проблемы.

Николас мрачнеет и больше ничего не говорит. Грозовая тучка, возникшая у меня над головой, начинает кружиться, высасывая энергию. Когда мне нужно, чтобы он был рядом, его

¹ Веб-сайт, где можно добавлять и смотреть отзывы, рейтинги и обзоры на местные компании в сфере услуг.

никогда нет. А когда не нужно – тут как тут, тот самый чертенок на плече. Если он поссорится с моими друзьями, на работе меня ждет ад. Но разве его это волнует? Нет.

Мы уже играем на кухне в «Клюедо»², расследуя убийство, когда Николас делает следующий ход. Его изрядно потрепанное эго уже все в синяках, так что это был лишь вопрос времени.

Он поворачивается к Мелиссе, наклонив голову:

– А ты разве не встречалась с Сетом Уолшем?

Он прекрасно знает, что так и было. А также знает, что Сет изменил ей с замужней коллегой Николаса. «Проснись и улыбнись» просто рассадник скандалов.

Мелисса сердито смотрит сначала на него, потом на меня.

– Да.

– Хм-м-м. И почему, ты говорила, вы расстались?

Куда там Циклопу из «Людей Икс» до пылающей гневом Мелиссы.

– Мы расстались, – ядовито отвечает она, – потому что я как-то выходила из торгового центра и заметила машину Сета на парковке, а подойдя ближе, увидела его на заднем сиденье с другой женщиной. – Она этого не произносила, но все мы мысленно добавляем: «Прямо на толстовке Мелиссы с эмблемой университета Лоуренса».

Я хорошо помню тот день, когда она их застукала. Тогда я уже примерно три месяца работала в «Барахолке», магазинчике разнообразных находок, и подружилась с Мелиссой. Нас объединила ненависть к плей-листу Зака, который нам приходилось слушать по средам (в этот день за музыку отвечал он), а также одинаковые рубашки в клеточку и красные джинсы, которые мы специально надевали в один день.

С тех пор как мы поссорились, я ни разу не надевала эту рубашку и джинсы вместе – не хотела, чтобы она решила, что я скучаю по старым добрым временам, когда при виде меня ее еще не трясло от гнева.

«Как ты могла не знать? Лучший друг Николаса обжимается с его же коллегой! Конечно, он знал, и не стал бы скрывать от тебя. Вы наблюдали, как я выставляю себя на посмешище, и ничего мне не сказали».

Я в самом деле не знала, что Сет ей изменяет, и по-прежнему чувствую себя виноватой, что познакомила их. Николас тоже говорит, что не знал, но тут ничего гарантировать не могу.

– Сет – засранец, – отвечает Зак, бросив кубик и переставляя свою фигурку на шаг от двери в кухню. Оружие убийства оказалась веревка – единственное, что я смогла угадать, а у Зака просто врожденная способность играть в эту игру, поэтому он вообще не ошибается и выиграл два предыдущих раунда сразу же, стоило его миниатюрной фигурке полковника Мастарда войти в комнату.

Николас, согласный играть только за персонажа профессора Плама, недобро косится на Зака.

– Ты с ним даже незнаком, так что помолчи. Он мой друг.

– В таком случае это говорит не в твою пользу. – Положа руку на сердце, чувство страха у Зака отсутствует полностью и он скажет все, что о тебе думает, прямо в лицо. Сплошная нервотрепка. Но сейчас это оружие направлено не на меня, и я разрываюсь между удовольствием от противостояния и неловкостью за своего спутника, испортившего всем вечер. Забыв о своей актерской обязанности изображать стопроцентную влюбленность, я молчу, и Николас, заметив, смотрит на меня, а затем вновь поворачивается к Заку:

– И что это должно означать?

² «Клюедо», или *the Clue* – настольная игра, в ходе которой имитируется расследование убийства. Игровое поле представляет собой план загородного особняка, в котором произошло преступление, необходимо выяснить, кто, где и чем убил хозяйка дома – доктора Блэка (мистера Бодди в США).

– Это означает, что ты выбираешь дерьмовых друзей, что характеризует тебя самого. – Заку нет равных.

Напротив меня Брэнди крутит в руках свою фигурку мисс Скарлет, рядом с ней Леон не сводит с меня внимательного взгляда.

– Разумеется, Мелисса все еще расстроена изменой Сета, – продолжает Зак. – Ты вполне мог бы промолчать, зная, что у нее есть все основания расстраиваться, но вместо этого бросаешься на его защиту. Раз ты сочувствуешь этому засранцу, значит, тому есть причина – ты видишь в нем себя, значит, ты тоже засранец.

В наступившей тишине можно было бы услышать опустившуюся на стену муху.

Я должна взять своего беднягу-жениха за руку. Велеть Заку заткнуться. Заявить, что мы уходим. Но меня останавливает выражение лица Николаса.

Готовясь ответить, он, поджав губы, оглядывает комнату с заметным презрением. Он считает себя успешным сыном двух состоятельных столпов этого крошечного общества, спасающим обьевшееся сладостями население Морриса множеством пломб, которые он ставит направо и налево. Моих коллег он считает ничем не примечательными личинками, ползающими по дну мусорного бака. Они работают в «Барахолке», где продаются головы аллигаторов и подушки-пердушки с лицом Вупи Голдберг, мексиканские прыгающие бобы и чашки, на которых от горячей воды проступают ругательства. Когда он оценивающе смотрит на моих коллег и находит, что в них чего-то не хватает, то забывает, что я одна из них. Для Николаса это Мы против Них.

Брэнди явно встревожена. Она такая милая и жизнерадостная, что вряд ли вообще с кем-то серьезно спорила за всю свою жизнь, и присутствовать при ссоре для нее хуже всего.

– Зак, – запоздало предупреждаю я сквозь зубы.

– Давайте жить дружно, – умоляет его Брэнди. – Кто хочет еще рулетиков из пиццы? И капкейки есть. Всем всего хватает? – Она приподнимается на стуле. – Воды? Содовой?

Зак, двумя пальцами коснувшись ее плеча, сажает Брэнди обратно.

– Я само дружелюбие. Твоя очередь.

Брэнди дрожащей рукой кидает кубик, и тут Николас наконец выбирает, что бы такого бестактного сказать Заку.

– Понимаю, почему ты так взволнован. Когда нет уверенности в работе – тут любой разнервничается. В ваш магазин приходит сколько, человека три в день? Должно быть, денежные потери очень значительные. – Заку достается столь же неискренняя улыбка, как и его собственная. – У меня есть знакомый в агентстве по временному трудоустройству – позвони, когда будешь готов.

Зак, подняв брови, удивленно смотрит на меня, будто мы знаем какую-то неизвестную Николасу шутку.

– Ты же в курсе, что твоя девушка работает там же, где и я? Если магазин закроется, без работы останемся не только мы.

– Я много получаю. Наоми работа не нужна.

Внутри меня все пышет гневом, я точно маленькое злое солнце.

– Магазин в полном порядке, – заявляю я, что на самом деле наглая ложь. «Барахолка» на последнем издыхании. А ведь ей уже целая вечность, еще с тех пор, как мистер и миссис Ховард поженились в семидесятых годах. Одно время магазин был жутко популярен, потому что продавались там не только подарки-розыгрыши, но и всякие диковинки. Раньше к нам специально приезжали издалека. А стоило появиться «Амазону» и «Ибэю», как оказалось, что больше не нужно сворачивать с пути только ради причудливых модных безделушек. Один клик – и тебе их доставят до самой двери.

Мистер и миссис Ховард знают, что соревноваться с онлайн-магазинами они не могут, поэтому наши рабочие часы неуклонно сокращались, и в конце концов им пришлось продать

их любимую фигуру Гомера Симпсона в виде Элвиса Пресли, который приветствовал покупателей с 1997 года. Они так добросердечны, что даже думать не хотят о сокращении штата, хотя сейчас с «Барахолкой» вполне можно управляться вдвоем, а не впятером.

Там едва есть чем заняться, и мы все мечтаем получить больше часов. Фраза «последним пришел, первым ушел» преследует меня, точно Дух будущих Святков.

– Магазин на грани краха, – небрежно отмахивается Николас. – Но тебя, Наоми, это никак не коснется. У тебя все будет хорошо.

– Что значит «никак не коснется»? – задумчиво пискнув, спрашивает Брэнди. – Наоми любит «Барахолку»!

Николас на это никак не реагирует, только аккуратненько складывает свои карточки в стопку, постучав ими об стол. Это последняя капля.

– Если «Барахолка» закроется, я смогу спросить Ховардов, возьмут ли они меня к себе в закусочную. – Мистер и миссис Ховард также управляют домом с привидениями в Тенмуте и закусочной с необычной едой на тему фильмов ужасов (называется «Съеденный заживо»).

Все взгляды устремляются на меня. На виске Николаса пульсирует жилка.

– А разве это не далеко отсюда?

Очень удачно, что ход теперь мой, и я могу одновременно кинуть кубик и драматично произнести:

– Два часа.

– Ты будешь добираться до работы два часа. В закусочную, – ничего не выражающим тоном произносит он. – А потом еще два часа обратно, каждый день.

– Хм-м-м... – Я делаю вид, что размышляю. – Если переехать в Тенмут, дорога займет всего пять минут. Можно даже на велосипеде.

Ко мне приковано внимание всей комнаты, и это изумительно. Мелькнувшая искорка прошлой Наоми Уэстфилд сдула пыль, накопившуюся за десять месяцев. Во всяком случае, мне кажется, что это она. Мы так давно не оказывались с Наоми в одной комнате, что я не уверена, смогу ли узнать ее, даже столкнись мы на улице.

Моя миниатюрная миссис Уайт теперь в библиотеке рядом с мистером Грином, фигуркой Леона, собирается обвинить одного из игроков в убийстве. У нее есть веревка, и я прикидываю, кого можно на ней повесить.

Мой взгляд падает на маленького напыщенного паршивца, околачивающегося в бильярдной.

Бинго! Профессор Плам.

Профессор Плам – исключительно лицемерное воплощение того, кто советует детям держаться подальше от сладостей, а сам каждую ночь конфеты по кровати разбрасывает, что они аж через край сыпятся. Он злодей, сбежавший из «Сладкой страны», другой настольной игры. Воришка, забравший у меня всю радость, и будущий отец моих детей. Сейчас я люблю его на двадцать процентов.

Голос Николаса источает арктический холод:

– Моя жизнь здесь. Я не собираюсь переезжать в Тенмут и отказываться от своей жизни ради того, чтобы ты, Наоми, подавала жареный сыр дальнобойщикам.

Когда он называет меня Наоми, то определенно имеет в виду «миссис Николас Роуз». Бриллиант на левой руке давит слишком сильно, нарушая кровообращение. Двадцать процентов падают до десяти, антирекорд, запустивший сирены самосохранения. Они крутятся, мигая красным: «Тревога! Тревога!»

– Я хочу выдвинуть обвинение, – произношу я в тот самый момент, когда он заявляет этим своим ровным властным тоном: «Думаю, пора закругляться». Но после моего обвинения игра может закончиться, так что он замолкает в ожидании моего хода.

– Обвиняю... – тяну я, просто в пику ему. Он ненавидит, когда я делаю большие паузы в предложении.

Николас наклоняется вперед.

Беру его фигурку и переносу в библиотеку. Ему бы там понравилось, там он смог бы забить все полки книгами о том, как чистить зубы вращательными движениями, а не из стороны в сторону.

– Профессора Плама.

Брэнди хватается ртом воздух. Мелисса лихорадочно строчит в блокноте ходы игры, в глазах Зака мерцают злорадные искорки. Николас выглядит просто недовольным. А Леон, вдруг замечая я, улыбается. Слегка, но, когда наши взгляды пересекаются, в его глазах читается явный интерес.

«Так вот где ты была», – будто бы говорят его глаза.

Я дерзко продолжаю, громко проговаривая слова:

– Я обвиняю профессора Плама в убийстве! Он совершил его в библиотеке, как чертов заносчивый умник, и в качестве оружия использовал подсвечник. – То, что это не подсвечник, я знаю наверняка, потому что карточка убийцы у меня, но все равно не могу удержаться: – Самое глупое орудие убийства из всех.

Николас будто бы целую вечность не отводит от меня внимательного взгляда, и вполне вероятно, что мы расстанемся прямо сейчас, над настольной игрой, и в таком случае выбраться из грядущего кошмара будет непросто. Его мать неожиданно наткнется на золотую жилу – шутка ли, получить обратно все депозиты. А уж возможность позвонить владельцам малого бизнеса и провопить, что лучше бы им не выставлять ей счет за ледяную скульптуру из роз, станет прямо вишенкой на торте этого года.

– Что ж, продолжай. – Он дергает подбородком, указывая в центр доски, не разрывая зрительного контакта, и я понимаю, что засмотрелась на цвет глаз Николаса, который почему-то считала серым. Так близко, горящие вызовом, они всех цветов радуги.

Не обратив внимания на мое озарение, он пристально разглядывает меня, и его глаза из бледно-серебристых становятся травянисто-зелеными, точно кольцо – определитель настроения.

– Показывай карточки.

Как можно медленнее я театрально опускаю их на стол, привыкая к прошлой Наоми. Ему ужасно хочется сбросить с доски своего профессора Плама и скрестить руки на груди, но он пытается держаться в рамках приличия. Страдающие от фобий люди и так к дантистам не очень относятся, поэтому он просто не может допустить еще больше негативных отзывов, пусть и от недостойных его внимания сотрудников «Барахолки».

Взглянув на карточки, я недовольно шиплю, и Зак понимающе кивает.

Миссис Уайт, в кухне, при помощи веревки.

– Ну, кто бы мог подумать! Похоже, убийца – я, – радостно сообщаю я всем. – Даже не догадывалась, что во мне есть что-то такое.

Николас недоверчиво косится на меня. Думаю, сегодня ночью он глаз не сомкнет.

А хуже всего в сегодняшнем вечере то, как быстро Николас о нем забыл.

Мы снова дома, и я все еще злюсь, а он – нет. Просто печет печенья, пообещал сам вымыть всю посуду, и теперь мне некуда направить свой гнев, потому что он Выше Этого, то есть он победил.

Предлагает мне даже облизать силиконовую лопатку, но я отказываюсь – может, это уловка, попытка убийства при помощи сальмонеллы. Тогда он небрежно целует меня в волосы и отстраняется, улыбаясь так, будто я невинный ребенок.

Он знает, что сейчас я спорить с ним не могу, потому что если начать ворошить прошлое, это будет выглядеть мелочно, так что я остаюсь на своем уже протертом месте на диване (с краю справа), где просидела тысячи часов, делая вид, что смотрю телевизор, что слушаю Николаса и что я счастлива.

Пока он стоит ко мне спиной, я быстро делаю фотографию и выкладываю в «Инстаграм» в розовом фильтре. Ставлю в подписи три сердечка и пишу: «Вечер настольных игр с любимым! Лучшее завершение отличного дня. Ни с кем другим я бы его провести и не захотела», добавляю смайлики-поцелуйчики и хештеги #ЖивемЖизнь #ЗамужЗаЛучшегоДруга #ПоцелуйЛюбвиОтРоуза.

«Поцелуй любви от Роуза» – наш свадебный хештег, и если набрать его в Pinterest, выпадет миллион картинок букетов, оформления стола и свадебных платьев, которые мне очень нравятся, но покупать их запретили. С первым ответом («божечки, какие вы милые») в кровь начинает поступать дофамин, но после ответа Зака («ржунимагу, ну да, конечно») воздушное плюшевое чувство превращается в скрежет металла. Его комментарий я удаляю.

В том, что я до сих пор не вырвалась из этого хаоса – только моя вина, и я это знаю. Человека трусливее меня еще поискать. Мой отказ отступить – медвежья услуга нам обоим. Будь у Николаса хоть половина мозга, он бы тоже хотел отменить свадьбу, так что, может, мы оба застряли в патовой ситуации и ждем, кто же выйдет из игры первым.

Он не уступит, и вот почему: его мать капала ему на мозги, требуя жениться и подарить ей внуков, чтобы она могла их рассортировать на любимчиков и всех остальных, в зависимости от того, чью внешность унаследует наше несчастное потомство. Если Николас сейчас сбежит с тонущего корабля, Дебора снова начнет его пилить, заставляя родить детей из яйцеклетки ее старой подруги по теннису, Эбигейл, которая умерла год назад и из каких-то безбожных помышлений оставила свои яйцеклетки семье Роуз.

Спрыгнуть с корабля не смогу и я. Все это время кричать о своем счастье и идеальных отношениях и тут вдруг сбежать – они решат, что я обманщица и все подстроила.

Кроме того, миссис Роуз не раз намекала, что, если я отступлю, она пришлет мне счет за свои хлопоты. Если я брошу ее сына, она наверняка потащит меня в какой-нибудь суд малых исков, требуя возместить ей деньги за хрустальные подсвечники от Сваровски, выполненные эксклюзивно для нее с буквой «Р» (индивидуально заказывать пришлось все, чтобы «Р» была везде), которые даже выбрали без меня. Сбережений у меня не так много, но те, что есть, я буду защищать зубами и когтями.

– Мама все никак не может успокоиться насчет добрачного соглашения, – говорит из другой комнаты Николас. Может, мы так и провели здесь весь вечер, а поездку к Брэнди мне нарисовало собственное воображение? Я сижу на том же месте, уставившись в ту же точку, а в желудке ворочается та же смутная тревога – третий невидимый участник наших бесед, неизменно появляющийся, стоит заговорить о свадьбе.

– Я сказал ей, ни за что, – продолжает он, когда я не отвечаю. – Они с папой такого не заключали, почему мы должны? И потом, можно подумать, ты от меня уйдешь.

Николасу нравится хвалить себя за отказ от добрачного соглашения. И, судя по тому, что он постоянно поднимает эту тему, все время об этом думает. Ждет от меня реакции, похвалы – какой он молодец, но я не отвечаю.

– Прическа Мэнди просто ужасна, – замечает Николас, впившись в меня взглядом. – Эта челка. Жуть.

Он знает, что ее зовут Брэнди. Я упоминаю о ней как минимум раз в день. У меня уже дым из ушей идет, и не только из-за этого: когда мы с Николасом встретились, у меня тоже была челка. Он постоянно твердит, какой я была хорошенькой, как он влюбился с первого взгляда, и в то же время стоит увидеть женщину с челкой – непременно скажет, как сильно эту прическу ненавидит.

– Ей она идет, – выступаю я в защиту подруги. И это правда. У Брэнди короткая стрижка, челку она сделала отдельными прядками и очень аккуратно. Вообще у нее прическа всегда на высшем уровне. В этом месяце, к примеру, для своих экспериментов с цветами она выбрала черный и гранатовый оттенки. Сочетание завораживающее, а уж когда она выходит на солнце – можно сразу рекламу снимать. Макияж тоже всегда безупречен, и на моей памяти только она способна сочетать подводку цвета электрик с оранжевыми тенями для глаз с эффектом омбре и пурпурной помадой.

Он тихонько насвистывает какой-то простенький мотивчик. Будто говоря: «Как скажешь».

Реальность ускользает от меня так незаметно, что я уже почти не замечаю комнаты вокруг. Мысленно кликаю на текстовый файл на компьютере, список позитивных качеств Николаса, проглядываю каждую выученную наизусть строчку. Уже не впечатляет: возможно, я так часто перечитывала их, что перестала воспринимать.

Николас всегда держит мне зонт и следит, чтобы я не промокла. Когда мы паркуемся в дождь, подвигает машину, чтобы я с пассажирского сиденья вылезла не на топкий газон, а на тротуар. Все мои заказы в ресторанах он запоминает и, пока я в дамской комнате, заказывает у официанта именно то, что нужно.

У него густые, красиво растрепанные волосы шоколадного оттенка, и куда бы мы ни пошли, женщины поглядывают на него с явным интересом. Он говорит, что мои глаза цвета шампанского и что именно по этой причине оно стало его любимым напитком с самой нашей встречи; а когда он улыбается мне, по венам начинает бежать что-то восхитительно шипучее, с лопающимися пузырьками.

Николас любит собак. Не настолько, чтобы завести, но достаточно, чтобы, когда я наклонюсь погладить чью-то чужую собаку, со смешком сказать:

– Даже не думай.

Он не смотрит наши любимые сериалы тайком, без меня. А если по радио пускают песню, которую он терпеть не может, то не бросается переключать, а сначала спрашивает, нравится ли она мне. И те носки с пуделями, которые я в шутку подарила ему на наше первое свидание, он носит до сих пор.

Может, это мелочи или совершенно обычные вещи, которые я должна воспринимать как данность, но я цепляюсь за них, как за спасательный круг.

Мне нравится это в мужчине. Но самого мужчину я не люблю.

И сейчас, сидя в нашем общем доме под звук с каждым днем все громче тикающих стрелок, отмеряющих последние часы до свадьбы, я ощущаю это всем сердцем. Таймер Судного дня. Мы с ним вместе – это же будет катастрофа, но стоит только подумать, как ее предотвратить, у меня язык скатывается в трубочку, а руки-ноги немеют. Я не могу заговорить. Не могу сама положить этому конец.

Если у него есть похожий список обо мне, уверена, он гораздо короче. Понятия не имею, что я сейчас привношу в наши отношения кроме того, что не подпускаю к нему яйцеклетки мертвой Эбигейл.

Мысли об этом только растрavляют рану, расширяя ее, усугубляя, потому что я все отчетливее вижу масштабы своего мучительного беспокойства, глубину недовольства. Это лечение и пытка одновременно. Что-то не так, чего-то не хватает. Внутри все сжимается.

У меня нет права ощущать себя настолько несчастной, ну почему Николас не ведет себя просто ужасно? Тогда у меня появилось бы оправдание уйти. Я фантазирую о том, как застукаю его с сотрудницей его клиники на заднем сиденье машины на парковке у торгового центра.

Он считает, что у нас идеальные отношения, – во всяком случае, на словах. И я тоже так говорю. Он рассказывает всем, что я замечательная. Думает, что я его обожаю. Мы единственные, кто знает, что такое Настоящая Любовь.

– Что хочешь сегодня на ужин? – спрашиваю я так, будто люблю его. Это требует недюжинных усилий, а я уже вымотана до предела.

– Выбирай ты.

– Тако с курицей.

– А я думал, что-нибудь из китайской кухни, стир-фрай, – отвечает он, и я знаю, что это нечестно, но мои десять процентов падают до девяти. На этом этапе игры потерять очки легче легкого. Если сегодня он даже дышать будет слишком громко во сне, то проснется с минус пятьюдесятью. Вести такой подсчет отвратительно. Я отвратительная. Хуже наших отношений, кажется, со мной ничего не случилось, но если смотреть на них в позитивном настроении, все не так уж и плохо, и возвращаются сомнения.

Как я влюбилась в Николаса? Как мы вообще встретились? Ничего хорошего я уже не помню, потому что все это затмила моя нынешняя сильная неприязнь. Может, мы познакомились в интернете? Или когда меня выбрали королевой выпускного вечера? А может, мы оба быстро шли по улице и, завернув за угол, врезались друг в друга, как в фильме, тогда еще бумаги разлетелись по всей дороге вместе со стаканчиками кофе навынос и моей громко бряцающей сумкой. Единственное, что я знаю, так это что пару месяцев назад я очнулась от глубокого сна и обнаружила, что помолвлена с мужчиной, которого едва выношу.

– Милая, – зовет он. Обычно так он меня называет в день зарплаты, или когда выигрывает его любимая команда, или когда он что-то натворит и подлизывается. – Забыл сказать, мама сегодня встречалась с флористом и попросила передать тебе, что поменяла дельфиниумы на гвоздики или что-то такое, – он неопределенно машет рукой. – Ты, наверное, лучше знаешь. Женщинам вид цветов важнее.

– А ты не думаешь, что мне захотелось бы поучаствовать в выборе цветов для нашей свадьбы? – отвечаю я. – А тебе самому? Разве тебе право голоса не нужно?

Николас непонимающе моргает. В глазах прячется какое-то чувство, я пытаюсь разобрать какое, но он наклоняет голову под другим углом, и оно исчезает.

– Все уже решено. Она выбрала гвоздики, раз ты возражала против роз, причем настолько категорично, что даже смешно. Или ты думаешь, что еще не поздно все изменить? Подумай хорошенько, Наоми. Ты хочешь от чего-нибудь отказаться?

– И что ты хочешь этим сказать?

– А ты как думаешь, что я хочу сказать?

Прищурившись, я смотрю на него.

– Ты предлагаешь, чтобы я отказалась от гвоздик, хотя сам только что прямым текстом сказал, что их уже заказали?

– Может, я говорил вовсе не о гвоздиках.

Я резко выпрямляюсь и выдерживаю его взгляд, вновь замечая то чувство в глазах. И тогда я понимаю.

Он делает все, чтобы я сорвалась в пропасть, подсовывая под удерживающий меня канат острые камни.

– Да?

Николас дергает плечом.

– Мы можем поговорить о чем угодно. Что скажешь, Наоми? Тебя что-то беспокоит?

Он терпеливо ждет ответа, но я могу только молча таращиться на него. Разум несется со скоростью миллиарда километров в час, перепрыгивая от прозрения к прозрению. Не могу поверить, что была такой слепой.

Все это время я думала, что за ниточки дергает миссис Роуз, но это был Николас, он использовал суперсилу своей матери скрести по нервам, точно ногтями по грифельной доске, чтобы довести меня до такого состояния, когда я сама отменю свадьбу. Это я буду чокнутой бывшей, разорвавшей помолвку, причиной и виной заоблачных трат на предсвадебные вече-

ринки и самую пышную свадьбу. Все будут жалеть его из-за того, что ему пришлось пережить, бедному, брошенному у алтаря.

Так и вижу его, говорящего с высоко вздернутым подбородком: «Я просто хотел, чтобы она была счастлива». Целый сад Роузов испустит умиленный вздох, удивляясь, как в такой чудовищной ситуации можно так владеть собой – и ангел бы не смог! А он сморщится, вспомнит, как когда-то на дороге его подрезал грузовик, и выдавит скупую слезу.

На один миг я вижу всю ситуацию его глазами. Если все это отменю я, он будет при-
творяться страдающим мучеником как минимум год. Целый год Дебора не будет ездить ему по ушам, требуя внуков, потому что «рана еще слишком свежа». Все вокруг в лепешку разобьются, чтобы угодить ему.

А если помолвку разорвет он, то ангелом с крылышками окажусь я. Никто не станет меня винить, никто не назовет обманщицей, а посочувствует. Они будут повторять: «Как он мог тебя отпустить?» и «Если тебе нужно будет с кем-то поговорить, я рядом».

Когда ты строишь жизнь с кем-то, множество кирпичиков крепятся вокруг твоего партнера, как и его кирпичики – вокруг тебя, и тогда это уже целое единое здание, если уйдет один, под угрозой окажутся оба. У нас общие сберегательные и накопительные счета. Телефоны подключены к одному тарифному плану. Оба наших имени указаны в договоре аренды, что приводит нас к выводу, что тот, кто сбежит, будет выплачивать неустойку. Его родители столько средств вложили в меня, вылепливая подходящую для миссис Роуз форму. У нас обоих есть обязательства, долгосрочные планы. Нельзя просто вырезать Николаса из моей жизни и уплыть в закат, потому что узелков слишком много.

Да. Я наконец смотрю на него и, выглянув из клубящейся над головой тучи негодования, замечаю, что у него есть такая же своя. Какой он пронизательный. Уже какое-то время знал, что я чувствую. Как оказалось, не такая я хорошая актриса.

Проценты нашей любви с грохотом падают до нуля, сотрясая здание. Кафель и мебель проваливаются в змеящийся по полу глубокий разлом, достающий до самого центра Земли, разделяющий кухню и гостиную, его и меня. Перед нами развернулась вся правда, без прикрас, но я, как всегда, не сразу сообразила, потому что все это время отказывалась видеть ее, пытаясь дать своим внутренним страхам какое-то разумное объяснение. Я была настолько занята собой и своими попытками спрятать истину, что даже не замечала, какие ходы в этой игре уже успел сделать он.

Моя помолвка с Николасом Роузом – игра в «кто первым струсит».

Глава четвертая

Впервые этим утром я просыпаюсь с осознанием, что меня втянули в битву характеров и я чудовищно отстаю. Николас сколь угодно долго мог в свое удовольствие рассматривать фронт боевых действий, пока я боролась вслепую, точно персонаж видеоигры, застрявший в глюке. Он неспешно прогуливался туда-сюда, сложив руки за спиной, мастерски зарывая мины. И эту битву выиграет, как и все остальное. Я вспоминаю его золотистый «Мазерати» и мой «Сатурн» у одного бордюра.

Сев на кровати и со стоном обнаружив прилипшую к руке полурастаявшую конфету из его пачки «Скитлз», я почти готова сдаться; на коже остался цветной след, точно чешуя русалки. Николас сегодня не работает, но, видимо, забросив в офис свои дурацкие печенье, поехал куда-то еще – может, косички маме заплетать. Он вообще ест эти драже или просто разбрасывает по постели, чтобы вывести меня из себя?

Соблазн собрать вещи и уехать прямо сейчас очень велик, но в таком случае я сыграю ему на руку. Если кто и заплатит Деборе за три сотни эксклюзивных бокалов под шампанское с гравировкой из «Н&Н», это будет Николас, из чувства вины, сразу как только расстанется со мной. А я заложу свое кольцо с помолвки и отправлюсь в свадебное путешествие сама с собой, отпраздновать. У меня будет расставательное путешествие.

Я размышляю о том, как бы заставить его сдаться первым, к примеру отказаться от секса, но, сказать по правде, сомневаюсь, что это его беспокоит. С прошлого раза прошло больше двух месяцев, и то он не очень-то и стремился. Если бы не дополнительный бонус в виде нечастых и более коротких женских дней, противозачаточные можно было бы не принимать вообще.

Может, завести фальшивый профиль в соцсетях и подловить его? Когда он поймается на удочку, я смогу указать на дело рук своих и с полным правом рассердиться. Хлопнув дверью, я умчусь прочь из дома. Его мать ударится в слезы. А я этот момент сфотографирую и повешу фото в рамочку.

За все последующее винить я буду «Скитлз».

Промаршировав в ванну с ножницами, я вытягиваю прядь волос надо лбом и тут же отрезаю, пока не передумала. Отражение смотрит на меня широко распахнутыми безумными глазами, и мне это нравится. Мне нравится Наоми, которая может творить такое и не париться. Николас не любит челки? Замечательно! А мне не нравится Николас.

Что-то свежеотстриженная челка слегка кривовата. Щелкаю ножницами, выравнявая пряди. В итоге перебарщиваю и поправляю снова, и то, что остается под конец, совсем не похоже на милую прическу Брэнди.

– Вот блин, – бормочу я.

Получилось даже хуже, чем у экономной мамочки, которая в салоне делает только собственную стрижку, а ребенку обрезает волосы по кромке надетой на голову миски. Мои волосы выглядят так, будто я слишком близко наклонилась к шредеру. И слоев челки у меня почему-то получилось два. Если попробовать выровнять их еще, останется голый скальп с клочками чего-то там.

Минуту я стою в пустом доме, размышляя и прислушиваясь к шуршащим по вчерашним лужам шинам, прикидывая, как сильно Николас меня обгоняет, за сколько ходов я смогу его догнать. Выглянув наружу, замечаю подозрительное изменение: спущенная шина снова выглядит нормально. Либо кто-то поменял ее за меня, либо я вообще всю проблему выдумала. В данный момент последний вариант кажется вероятнее.

В раковине обнаруживается грязная посуда, и я почти восхищена этим дьявольским штрихом. Одно дело просто не помыть посуду. Добровольно пообещать помыть, а потом бросить как есть – уже враждебный акт.

Хотя свой кофейник прополоскал, потому что больше им никто не пользуется. Вот и еще доказательство, что он это специально. Я ставлю кофейник обратно в раковину и поливаю кленовым сиропом. Потом оставляю ему сообщение на доске для записок, пишу, что не могу дождаться, когда же выйду за него замуж. Называю его «Никки», чего никогда не делала раньше, и, поборов судороги, еще два переплетенных сердечка добавляю.

Посмотрим, что ты на это скажешь.

Затем с довольной ухмылкой ввинчиваюсь в шкаф и вылезаю оттуда в самой антиниколасовской одежде, какую только смогла найти: толстовке с капюшоном, украшенной эмблемой футбольной команды «Питсбург Стилерз» – она осталась еще от моего бывшего, и я пару месяцев назад нашла ее в ящике. Кажется, тогда Николас заметил, что раз я ничего не понимаю в спорте, то нет смысла ее держать, что и заставило меня запихать ее подальше, на дождливую погоду. Толстовка уже сама по себе неприличный жест, но, чтобы усилить оскорбительный эффект, я натягиваю легинсы, которые он считает позорными из-за их возраста, общей потертости и дырки размером с монету на ягодице. Мы с этими легинсами через многое вместе прошли. Расставания. Плохие свидания. Тот момент, когда Тайра Бэнкс наорала на Тиффани в шоу «Топ-модель по-американски». Или когда родители или брат с сестрой отменяли запланированную поездку ко мне, постоянно и независимо от обстоятельств, хотя с удовольствием находили время съездить во Флориду, посмотреть гонки серийных автомобилей. Эти легинсы – как вкусная еда, которой заедаешь печали, и я не собираюсь их ни на что менять.

Завершаю образ я макияжем, который его мать назвала бы «неподобающим» или «непопулярным». Губы получились цвета свежей крови, привлекая внимание похлеще, чем сам Бабадук. Карандаш для глаз лег толстым черным слоем, заехав далеко за пределы век, которые блестят от теней аж до бровей, как у участниц конкурса красоты. Этого мне показалось недостаточно, и я добавила тонны румян и искусственного загара, пока лицо не стало неотличимым от маски на Марди Гра. Перешагнув границы «неподобающего», я со скоростью пушечного ядра приземлилась в область худших кошмаров Деборы. Теперь я выгляжу точь-в-точь как первая жена ее мужа, пресловутая Магнолия Роуз.

Устроив себе бурные овации и послав воздушный поцелуй Магнолии, моей героине, которую я обожаю за решение остаться миссис Роуз даже после развода, хотя их с Гарольдом брак продлился всего год и ни к чему не привел. Сейчас она живет в Ки-Ларго во Флориде с мужем под номером пять, который на двадцать лет младше ее и приходится племянником изобретателю зефирных цыплят. В птичьем дворике размером с мою спальню у нее живет пятнадцать попугаев, и все названы в честь убийц из сериала «Закон и порядок». А знаю я обо всем этом потому, что она добавила меня в друзья на «Фейсбуке», возможно, чтобы подколоть Дебору, которая дважды пыталась засудить Магнолию и потребовать возместить моральный ущерб за то, что та «погубила Гарольда». Когда я вырасту, хочу стать Магнолией Роуз.

Николас весь изведется, думая, ради кого я сделала такой макияж, пока у него не разовьется язва. Мое отражение в зеркале запрокидывает голову назад и смеется так сильно, будто сейчас лопнет и разлетится на сотни демонов.

Вчера меня не отпускала апатия и хотелось только лежать, упиваясь собственным горем, а сегодня переполняет кипучая энергия. Теперь, когда у меня есть план, все изменилось.

Наша свадьба назначена на двадцать шестое января, так что у меня есть три месяца на то, чтобы вымотать Николаса до состояния безжизненного манекена. Возьму из приюта десять собак и превращу кабинет Николаса в свою Собачью Комнату. Здорово, если получится избежать мороки с почтовой службой из-за смены адреса или поисками кабеля в каком-нибудь непонятном месте, что уже, наверное, запланировал Николас. Да уж, фигово быть им. С хозя-

ином дома мы заключили отличную сделку, и арендная плата достаточно низкая, так что я смогу остаться здесь даже несмотря на крошечную зарплату в «Барахолке». С текущей экономической ситуацией другую работу найти я вряд ли смогу, и пригодится любая помощь.

Мысленно я вижу его насмешливое лицо, как он вчера сказал: «Магазин на грани краха», и желудок неприятно сжимается. Он ошибается. Моей работе ничего не угрожает, и все у меня будет хорошо. Если кто и потеряет работу, так это он. У первого светофора открылась новая стоматологическая клиника, «Семейная стоматология Турпинов», и они принимают страховки от стольких поставщиков, что доктор Стейси Мутиспоу назвала это «нелепым».

У меня медицинской страховки нет, но, может, и стоит заплатить из своего кармана просто ради того, чтобы Николас увидел, как я иду к конкурентам. Эти варианты развития событий я проигрываю в голове, пока отчищаю форму для запекания от его вегетарианской пасты.

Чтобы еще больше поднабраться храбрости для следующего шага, слушаю три гневных трека Эминема, а потом набираю номер, прописанный у меня в контактах как «666». Я никогда по нему не звонила. Телефон пытается спасти меня, неожиданно выключившись и перезагрузившись, но теперь меня уже ничто не остановит. Николас впереди по меньшей мере на сотню ходов. Меня окружают необнаружимые взрывающиеся устройства, а он там резвится себе на лугу и нюхает цветочки, ничего не боясь. Я так часто попадалась на его удочку, что уже не знаю, какие пакости так и задумывались, а какие получились спонтанно. А знаю ли я его вообще? Но уж точно знаю его мамашу.

– Слушаю? – говорит в трубке голос миссис Роуз.

– Дебора! – крутятся в кресле Николаса, я подпускаю в голос побольше сахара и меда. Я устроилась в его кабинете, чего он так не любит, потому что для Звонков Маме ему нужно уединение. Этим двоим стоило бы открыть мотель.

– Наоми? – неуверенно уточняет голос. Третий слог моего имени едва слышен, она наверняка тыкает в экран, проверить звонящего, убедиться, что это не слуховая галлюцинация.

– Надеюсь, вы не заняты, – широко улыбаясь, продолжаю я. Как-никак, утро субботы, а у Деборы в календаре больше мероприятий, чем у президента, и конечно же я чему-то мешаю. – Хотела поговорить об изменениях в цветочном оформлении, которые вы сделали без моего согласия.

Даже не сомневаюсь, что сопротивления в этом вопросе она не ожидала, но пришла в себя быстро. А голос такой успокаивающий, мягкий, как когда она напоминает Гарольду выпить рыбий жир:

– Надеюсь, ты не против, дорогая. У флориста не было другого окна в расписании, и я не хотела тебя беспокоить. Я же знаю, как ты занята в... ох, не могу вспомнить, куда ты ходишь целыми днями. «Свалка», так называется, да?

– Да, – радостно отвечаю я. – «Свалка». – А как же, зарываюсь под груды мусора, как суслик. – Вы мне, кстати, так и не прислали телефон нового флориста, когда сменили его в третий или четвертый раз. Он у вас под рукой? Я бы хотела кое-что подправить.

– Подправить? – пораженно повторяет она. – Уверена, сейчас уже слишком поздно. Все уже давно решено и обговорено.

– Дебора, – смеюсь я. Дебора, Дебора, Дебора... – Вы же только вчера были в магазине! Уверена, они выслушают невесту. То есть меня. Невеста – я, – тут я подкручиваю свои злодейские усы. Никогда все во мне так не восставало против этого слова. К алтарю я попаду, только если они потащат туда мое бесчувственное тело, а какой-нибудь чревоушательнице придется имитировать мой голос, повторяя положенные клятвы. – Цветы, которые вы выбрали, просто не в моем вкусе.

– Для дельфиниумов уже не сезон. Гвоздики будут смотреться чудесно на январской свадьбе.

– Гвоздики – это прошлый век. – Мой внутренний голос практически кричит, что Дебора с Гарольдом выбрали для собственной свадьбы именно их. – Я думаю...

Мое бесцветное отражение крутится в застекленной фотографии на столе Николаса. На ней ему шесть, и в руке он держит рыбку. Солнечника. Улыбается так широко, что от глаз остались одни щелочки, чуб заметнее, чем сейчас, и двух передних зубов нет. Его мать стоит рядом, вцепившись ему в плечо ногтями арбузного цвета. В голове немедленно появляется картинка, как она так же стоит на нашей свадьбе и шепчет ему на ухо.

– Магнолии, – заканчиваю я.

На моих бабадуковских губах булькает пена, голова кружится. Уже очень долгое время я не испытывала ничего, столь похожего на восторг. И за этим ощущением я пойду хоть прямиком в ад.

Она молчит, и я проверяю, не оборвалась ли связь.

– Деб? – зову я, прикусывая костяшки пальцев, чтобы не рассмеяться.

– Не думаю, что Никки согласится с этим выбором, – наконец выдавливает она.

– Никки сказал, что его все устраивает. – Я отталкиваюсь и снова кружусь на стуле, прижав колени к груди. Какое роскошное сиденье из кожи, невероятно удобное, будто лежишь в горячей ванне. А мой компьютерный стул на пару сантиметров ниже, чем нужно, и из дерева. Я нашла его на распродаже, для удобства пристроив комковатую подушку, но различия просто возмутительные. Теперь это кресло мое.

– Кроме того, – добавляю я, – это же моя свадьба, так? И мне положено все, что я захочу.

– Это и свадьба Никки тоже.

Да какое Николасу дело? Он еще не меньше трех раз женится. Вот будет мне шестьдесят, так я точно наткнусь на него, уже маскирующего лысину, с висящей на нем девчонкой лет двадцати с чем-то, потому что мужчины ужасны и им все сходит с рук.

– Ну, вы же знаете, как говорят, – весело отвечаю я. – Жена довольна – и жизнь привольна! Он сделает все, чтобы я была счастлива. У него был хороший пример, ведь ваш муж так добр с вами.

Я никогда, даже вежливо, не сопротивлялась приказам Деборы. Проще просто позволить ей делать то, что она хочет. Поэтому для нее это совершенно новый опыт и, видимо, для всего ее книжного клуба, прислушивающегося к разговору. Она сидит напротив мэра и всей женской организации, пытаясь удержать приклеенную улыбку, при этом мысленно пытаясь меня задушить. Ее привычка включать громкую связь, чтобы вместе со всеми присутствующими посмеяться над собеседником, наконец-то вернулась бумерангом.

– Так какой номер, Деб? – тороплю я, скрестив ноги на рабочем столе Николаса. Куча лежавших там папок теперь веером раскинулась на полу, точно флеш-рояль.

– Эм. Да. Сейчас посмотрю, – тянет она. Фальшивый номер она дать мне не может, но и настоящий – тоже. Это не блеф, и я совершенно точно закажу миллиард магнолий для украшения церкви Сент-Мэри. Только представьте лицо Гарольда, когда он увидит счет.

Дебора пытается выиграть время, листая органайзер, и я слышу, как она скрипит зубами. Все это время я молчу, пока она наконец не заговаривает, выплевывая каждую цифру.

– Спасибо! – чирикаю я. – И раз уж вы начали, не дадите мне номер кондитерской заодно? Знаю, что вначале я предлагала Друри-Лейн в Хэттерстоне, но, полагаю, вы выбрали какую-то другую? Верно? Не сомневаюсь, вам виднее. Так или иначе, их телефон мне тоже нужен, пожалуйста.

– И в чем же необходимость, моя дорогая? – голос Деборы так и сочится ядом. – Я уже обо всем позаботилась.

– И я вам благодарна. Вы отлично помогли! Просто отлично. Вложили столько времени и средств. Почему бы мне не облегчить вам задачу? Вы заслужили отдых, наслаждайтесь своими

лучшими годами. Они так быстро проходят. Я просто внесу пару правок там и тут, а вы ни о чем не беспокойтесь, Деб.

– Но...

– Все, что вам нужно сделать, – прийти на свадьбу. Я хочу, чтобы вы хорошо провели время. А ведь если бегать и все организовывать, толком и не отдохнешь! – Если я повышу голос еще на пару октав, он превратится в свист.

– Не думаю, что Никки...

– Номер, Деб? – обрываю ее я. – Спасибо большое.

Никто никогда не смел сокращать ее имя до «Деб», и я от души воспользовалась незаслуженной привилегией, чуть ли не кадая пеной на свою любимую толстовку.

Дебора злобно диктует номер кондитерской, и каждая отрывистая цифра – часть зашифрованного послания: «Если он не будет ванильным с шоколадом, тебе конец». Что наводит меня на мысль изменить украшение торта и вместо изысканных цветочных лепестков и фигурок жениха и невесты поставить другие: Николаса заменим на Человека-паука, куплю в магазине «Все за доллар», а меня будет изображать полуистаявшая свеча с пластиковыми глазами. Это увидят все, кого Дебора знает и любит. А когда Николас будет резать торт, пластиковый глаз выскочит и покатится по тарту как предзнаменование. Я улыбнусь кроваво-красными губами и не отведу от него взгляда, пока он не возненавидит цвет шампанского и при виде меня у него не начнет кровь стынуть в жилах.

– Спаси-и-и-ибо! – весело щебечу я. – Деб, вы – лучшая!

– Надеюсь, Никки со всем согласен, – мрачно отзывается она.

– Даже не беспокойтесь. Нашим Никки я сама займусь. А вскоре и его новая теща будет с него пылинки сдувать. Это так мило, он на днях сказал мне, что после свадьбы будет называть ее «мамой»! Маме это о-о-очень понравится.

Из телефона высовывается призрачная рука и хватает меня за горло.

– Как славно, – скрипя зубами, выдает Дебора.

– Скажите, здорово! Мы едем к ней на День благодарения. И на Рождество. Семья важнее всего, вы же понимаете.

Дебора ошеломлена, но она профессионал. На следующих словах я тут же вспоминаю, что «Искусство быть сволочью» она освоила еще до моего рождения.

– Конечно, я согласна. Но на вашем месте изменила бы планы, потому что на День благодарения я собиралась выписать вам чек на оплату кейтеринга, а на Рождество запланирована очередная примерка платья, придет моя швея. Если тебя не будет, кто знает, что может случиться? Я бы чувствовала себя у алтаря просто чудовищно в платье, которое даже застегнуться до конца не может.

Мысленно я представляю, как главное украшение, усыпанные драгоценностями канделябры в приемном зале, растворяются в тумане. Заменяю их на конфетти из фольги и пластиковыми голубями за десять центов. Все подумают, что элегантная миссис Роуз в этом ее «Луи Вюиттоне» и «Марке Джейкобсе» сама их выбрала, недоумевая, почему интерьер напоминает День святого Валентина в доме престарелых. Еще сплетни пустят, что она подала заявление о банкротстве.

Я выдавливаю смешок.

– Да, просто катастрофа! Повезло, что у меня длинная вуаль. – Последние несколько минут я настоящая пайнька, поэтому не могу удержаться и добавляю: – Увидимся в воскресенье на ужине, Ди.

После это я отключаюсь, любуюсь своими неровно обрезанными ногтями. Делаю еще поворот на стуле. В этот раз мина взрывается на поле Николаса.

Наступает воскресенье, и Николас не может поверить, что я не отказалась от своей обожаемой толстовки ради ужина с его родителями. Даже бормочет что-то себе под нос, и я прожигаю его взглядом. Я преданный фанат «Стилерз». Они моя любимая футбольная команда, и я за них умру.

Он все еще злится из-за магнолий. Миссис Роуз, рыдая в море промокших платочков, наядбедничала на меня, и ему пришлось утешать ее, пообещав оставить гвоздики и отстоять честь семьи.

«Просто позорище», – будто говорит его раздосадованное выражение, но я-то знаю, что на самом деле хмурится он из-за осколков шрапнели в ноге. Теперь я целеустремленный солдат и вооружена до зубов. В качестве оружия – его ничего не подозревающая мать: весь день она звонила ему без остановки, требуя утешения и поддержки, и с каждым телефонным звонком я видела, как в нем что-то умирает.

– Не могу поверить, – произносит он.

– А я могу. – Мой голос звучит радостнее, чем его, хотя обычно в этот момент он натягивает улыбку милого-доброего мальчика, и я мысленно напоминаю себе, что грубые замечания его семьи не должны меня трогать.

Мы едем провести Дебберони и Гарри. Они поселились в отдаленном и почти-элитном районе Морриса, шишка на ровном месте, прямо как они любят. Там, куда пустили бы кого угодно, они не живут. Работу по саду у них выполняет «мужчина», а готовит «женщина». Называть их по именам, считают мистер и миссис Роуз, слишком много чести. Они так задирают нос, что, когда я приехала в первый раз, рассчитывала вместо дверных ограничителей увидеть слитки золота. Можно подумать, Гарольд был госсекретарем, а не инвестиционным банкиром.

Сзади раздается шорох пластиковой обертки, и, подозрительно оглянувшись, я вижу букет цветов на заднем сиденье. На один злосчастный миг глупое сердце подпрыгивает в груди, и мне чудится, что они для меня, но потом понимаю.

Конечно же. Розы.

– Ух ты, спасибо за цветы. Ты такой милый, – не могу удержаться я.

– Э-э... – Его щеки слегка розовеют. – Вообще-то, они для мамы.

– А какой повод? У нее день рождения?

День рождения у нее в январе, как и у Николаса. Он подарил ей беговую дорожку, которую она выбрала себе из каталога, а помимо этого с гордостью вручил официальный документ с подтверждением, что в честь нее назвали звезду.

– Нет. Цветы... просто так.

Меня не должно это задевать, но разум не подчиняется приказам. Из этого мужчины жених так себе. Представьте, каким он будет мужем.

– Было бы здорово, если бы ты обращался со мной как со своей мамой, – говорю я лобовому стеклу, потому что сказать это ему в лицо у меня храбрости не хватает. Повторяю фразу про себя, и у меня глаза на лоб лезут. «Озера и реки за четыреста. А теперь давай вопросы из области “Не думал, что я это скажу” за двести, Алекс».

– Ты хочешь, чтобы я дарил тебе что-то только потому, что чувствую себя обязанным, а не потому, что хочу?

– Да, – подумав, отвечаю я. – Хоть в этом случае я бы цветы получала. А если ждать, пока ты захочешь их подарить, больше, чем сейчас, их так и не станет. То есть больше нуля.

– Господи, Наоми! – возмущается он. – Ты же сто лет назад сказала, что не хочешь цветов. Что они тебе не нужны.

– Ну я же не это имела в виду! Конечно же я хочу цветы. А какая девушка не хочет? Не могу дождаться, когда у меня уже наконец будет взрослый сын. Хоть он подарит.

Я прямо чувствую, как от его взгляда обугливается одежда.

– Если бы я сказал тебе, что чего-то не хочу, ты бы что, все равно мне это купила?

– А тебе-то цветы зачем? – повернувшись к нему, удивляюсь я.

От его смеха меня пробирает холодом.

– Да, действительно, как тебе могло прийти в голову что-нибудь мне подарить? Что-нибудь на память, в знак любви? Конечно, ты об этом не думаешь.

Неправда, я постоянно ему что-то дарю. Терпение. Это же подарок. Я дарю ему чудо спасения, потому что не бросаюсь на него и не трясу как грушу за то, что он настоял провести мой день рождения с его друзьями и угостил их куриными крылышками и жареным сыром. За то, что остался работать допоздна на День независимости, когда я хотела пойти в аквапарк, но при этом успел купить своей матери огромный огненный шар. Это он-то, любитель нудных монологов о практичности подарков! Если завтра галактика взорвется, моей последней мыслью будет: «Ха-ха, вот и все, твоя дурацкая звезда тю-тю!»

– И как долго ты себя накручиваешь? – требовательно спрашивает он.

Целую вечность.

– Ничего я не накручиваю. Я в порядке.

– Ну конечно. – Еще один безрадостный смешок. – Злишься, что я не дарю подарков. А сама игнорируешь меня дома, уставившись в телевизор. Сидишь, точно кукла на полке. Дуешься, когда мы ездим к моим родителям, но твоя-то семья живет далеко, и я изо всех сил стараюсь, чтобы тебе здесь не было одиноко. Удивительно, что нас вообще еще приглашают, потому что, сказать по правде, все это время ты сидишь, спрятавшись в свой кокон. Стоит нам переступить порог – и все, из тебя слова не вытащишь, – качает головой он. – С таким же успехом я мог бы приезжать один.

Эти слова меня ошарашивают, он не должен был знать, как я злюсь про себя из-за этих обедов. С моей точки зрения, я всем видом демонстрировала счастье и радость. Если все это время он о моем притворстве знал, почему не сказал раньше?

Остаток пути до Платановой аллеи я представляю, что мой следующий жених будет полной противоположностью Николаса. Художник с длинными светлыми волосами как у хиппи и бородой. Энтони, но сам он имя свое пишет как Тони и обожает карамельные шипучки. И он определенно сирота.

Мы уже подъезжаем, впереди ждут два совершенно точно жутких часа. Не могу даже вспомнить, когда нам с Николасом было хорошо друг с другом, вдвоем. Мы натягиваем свои «публичные» улыбки, и он обегает машину по кругу, напомнив об еще одной своей подкупающей черте: когда он не топают специально, доказывая свою точку зрения, в его движениях есть что-то завораживающе плавное. Пронзив меня взглядом сквозь стекло, он вместо моей двери открывает заднюю, хватая букет роз и один идет к крыльцу. А я плетусь сзади, как бродячая собака, и жалею, что в отличие от нее не могу лаять и рычать. К облицовочному кирпичу на стене прибита досочка с изречением Шекспира: «Роза всегда пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет». В оригинале «всегда» быть не должно. Как-то я специально проверила, для верности, но так и не сказала мистеру и миссис Роуз – еще не хватало, чтобы они заказали новую, без ошибок. При виде этой цитаты с ошибкой меня так и переполняет злорадство.

Я вспоминаю, как стояла на пороге в первый раз, нервничающая, полная оптимизма и надежд, что мне удастся легко вписаться в их мир, что они будут считать меня членом семьи. Николас тогда обнял меня и поцеловал в щеку, широко улыбаясь. «Они любят тебя», – пообещал он.

Дверь открывается. Дебора скалится в неискренней улыбке, и я борюсь с искушением засунуть два пальца в горло прямо здесь.

Мы с Николасом в последний раз со взаимной ненавистью переглядываемся, а потом беремся за руки. Он сжимает мою ладонь. Я жму в ответ сильнее, но в итоге пальцы болят у меня же.

Глава пятая

Логово Роузов пахнет как заросший пылью постапокалиптический магазин «Все для ванны и тела» со шлейфовыми нотками лака для волос. Этот запах меня всегда обескураживал, так как найти собственно пыль мне ни разу не удалось. Каждая комната битком набита роскошью – попытка воссоздать французские замки со стульями времен Людовика XV в надежде, что пятен на розовом ковре посетитель не заметит. Если вам меньше двадцати, ходить вы должны босиком. В «приемной» стоит один-единственный телевизор в доме, реликт семидесятых годов, который никогда не включают и чья единственная цель существования – отражать шок на лицах гостей оттого, что кто-то еще держит в доме такое ископаемое.

Стоит переступить порог, как тебя покрывалом окутывает тишина, будто на месте преступления из романов Агаты Кристи, заставляя понижать голос, что отвечающий за человеческие эмоции процессор миссис Роуз трактует как восхищение.

Это ее ода канувшему в Лету «Позолоченному веку», когда дети подавляли все мысли и эмоции, только чтобы облегчить жизнь своим охочим до вина родителям.

Вишневое дерево, плотная ткань, дамаст с рисунками цвета оникса на угольно-черном. Бурбон (тысяча долларов за бутылку) с запечатанной пробкой, хрустальные конфетные вазы, пустые. Витые золоченые рамы, пепельницы восемнадцатого века из серии смотрим-но-не трогаем под стеклом с подсветкой. Музей истории Роузов, на которую всем наплевать, кроме сморщенных старичков Роузов, выросших здесь, и, возможно, меня, непрошеного невзрачного сорняка, если все же придется выйти замуж и остаться в этом бедламе.

Ленточки Николаса из списка отличников средней школы висят в рамке сразу напротив входа в столовую. Все доказательства, что у Роузов есть еще и дочь, тщательно уничтожены везде, кроме одной комнаты, которую они называют «малой гостиной». Там стоит большое фортепьяно, полчище фарфоровых кошек и портрет Хезер с последнего курса. На заднем плане видны лазерные лучи, а на самой Хезер – подтяжки с черными резинками. Ее мать иногда говорит о ней так, словно она умерла. Николас рассказал мне, что его сестра диджей, ставит электронную танцевальную музыку, и уже за одно это она стала моим любимым членом этой семьи.

– Наоми! Дорогая! Как я рада тебя видеть, – восклицает Дебора и наклоняется ко мне, поцеловать воздух сначала у одной щеки, потом у другой. Этому ледяному выражению лица и умению говорить гадости исподтишка она научилась у своей свекрови (по-настоящему устрашающая личность, с которой я виделась лишь раз до того, как дьявол позвал ее домой).

Честно, эта женщина понятия не имеет, где она находится. А живем мы – с ума сойти! – в Моррисе. Половина населения покрыта шерстью и питается ягодами из леса.

Первая личная встреча с Деборой была травмирующим опытом. Она постоянно строчила в «Бофор Газетт» такое количество жалоб на жизнь в целом, что они выделили ей колонку советов под названием «Дорогая Дебора», где она с тех пор выжимает из себя жемчужины мудрости для верных читателей по всей стране. Мне-то известно, что все «жемчужины» Деборы – только бижутерия, потому что она ни разу не решала проблемы сама, а всегда бросалась за помощью к Николасу.

Фотографии, которая прилагается к ее разглагольствованиям, не меньше пятнадцати лет. У нее та же короткая прическа из аккуратно уложенных отдельных прядей, только мелирование стало заметнее, а кожа вокруг глаз натянулась, хотя сами они, похоже, уменьшились вполовину. Серьги она носит такие тяжелые, что мочки вытянулись, достигнув длины в пять сантиметров.

Она сжимает мое лицо мягкими прохладными ладонями. Сомневаюсь, что в ней течет кровь. Иногда ее лицо слегка розовеет, но это только потому, что ее слишком долго держали на зарядке и разъем перегрелся.

– Господь всемогущий, Наоми, ты отрезала волосы! И прямо перед свадьбой! О чем, скажи на милость, ты думала? Какой мастер тебя обслуживал, я добьюсь, что ее уволят!

Я ерошу свою ужасающе короткую челку, а Николас прячет усмешку, довольный, что все оскорбления вместо него мне выскажет его мать.

– Это такой стиль. Как у Амели. – Все, с этого момента буду ссылаться на Амели в качестве оправдания своей халтуры. Буду приводить ее в сравнение, когда только смогу.

Дебора выглядит так, будто во рту у нее целый рой пчел.

– При твоей форме лица челка тебе совершенно не идет. Хотя, уверена, ты это уже поняла и записалась на процедуру наращивания волос. – И, не дожидаясь подтверждения, торопится продолжить изучение моей внешности – как и всегда при наших встречах. – Ты вообще вся выглядишь из рук вон плохо, дорогая. Такая выпцветшая и распухшая. Ты нездорова?

– Да! – радостно соглашаюсь я и обнимаю ее, чего никогда не делала раньше (вы только посмотрите, сколько новых развлечений!), чувствуя, как шевелятся и хрустят кости под строгой одеждой. Ключица выпирает так сильно, будто ее скелет закопали недостаточно глубоко.

Она дергается, вырываясь, покрытая моими воображаемыми микробами.

– Наоми шутит, – жалобно встревает Николас. – В машине она говорила, что чувствует себя хорошо.

Дебора хлопает себя по груди, будто ощутив учащение сердцебиения, и ведет нас в гостиную, похвастаться новой вешалкой (из гигантской секвойи за тысячу двести долларов) и выслушать комплименты. Я чувствую запах еды и предвкушение бесплатного ужина – единственное, почему я до сих пор не проткнула себя этой вешалкой.

Когда миссис Роуз встает проверить «женщину» на кухне, я вытаскиваю телефон и начинаю стучать по клавиатуре, громко бормоча под нос: «Саше». «Картины-каракули. Зловещие фарфоровые фигурки крестьянских детишек за работой».

Николас подозрительно косится на меня.

– Ты что делаешь?

– Записываю, что нам нужно купить, чтобы ты чувствовал себя как дома. Ты ведь обожаешь это место, никогда не хочешь уезжать, так что хочу воссоздать эту магию. – И я снова утыкаюсь в телефон: – Букеты, подаренные любимыми. Хм-м-м, придется где-то найти каких-нибудь любимых.

Он указывает на предыдущий букет «просто так», уже завядший, недельной давности.

– Такие ты хочешь? – с сарказмом шепчет он. – Уродливый веник за сорок долларов? Или, – он указывает на безвкусную изумрудную брошь в витрине, – может, это? Сделает ли бесполезное украшение тебя счастливой, любимая моя?

Если я услышу от него еще одно «бесполезно», то затолкаю в багажник его самого.

– А ты возьми и укради ее, и мы посмотрим.

Он поджигает губы, а у меня внутри все поет от осознания того, что я вывела его из себя. Миссис Роуз возвращается в пределы слышимости, и я беру в руки вазу, принадлежавшую матери Гарольда.

– Мне нравится эта урна.

– Это ваза, дорогая. – «Вазу» она произносит как «ва-а-за». Она просто должна ее ненавидеть, так как легенда гласит, что как-то они со свекровью сцепились в драке, решая, где будет похоронен Гарольд: рядом с женой или с Любимой Мамочкой. Вообще-то, Николасу грозит та же проблема.

– Удивительно, что такая очаровательная урна еще никем не занята, – продолжаю я, будто не услышав. – Хотя, полагаю, однажды жилец найдется. – Тут я окидываю Дебору задумчивым взглядом, медленно, от макушки головы до носков снежно-белых туфель. – Чудеснейшая семейная реликвия. Только представьте, когда-нибудь они все будут стоять в моем доме – я польщена. Ник, посмотри – так и вижу эту прелестную урну у нас на холодильнике, да?

Он прищуривается, услышав это сокращение своего имени, и собирается ответить, но миссис Роуз успевает влезть первой:

– Никки, что скажешь о новой прическе Наоми?

Невозмутимый вид он сохраняет только потому, что стоит прямо напротив окна. Вытолкнуть его наружу мне не составит ни малейшего труда.

– Наоми всегда выглядит превосходно, – отвечает он и, отойдя на три шага в сторону, добавляет: – У нее достаточно широкий лоб, поэтому она может позволить себе короткую челку.

Свои мерзкие ухмылочки они прикрывают синхронным жестом. Николас замечает это и тут же с потрясенным видом опускает руку. Я улыбаюсь, подтверждая его худшие страхи.

Да, Никки, ты превращаешься в свою мамочку.

– Ну разве эти розы не прелесть? – спрашиваю я Дебору, указывая на коричневые сухие стебельки с прошлой недели. – Ваш сын такой заботливый, все время дарит цветы.

– О да, он просто умничка, – воркует она. – Никки так меня балует. Что за чудесный мальчик. Он и с тобой такой же, уверена.

Моя улыбка принимает недобрый оттенок, и Николас уставляется под ноги, рассматривая что-то занимательное на ковре.

– Только взгляни на эти, свежие, – зовет она меня в «малую гостиную». С маленького столика на меня насмешливо смотрят с прискорбием потраченные еще сорок долларов. Логотип бензозаправки он с упаковки оторвал, но что делать, когда с холодами розы достать будет все сложнее? Придется раскошелиться на сотни баксов в неделю за доставку из цветочного магазина.

– Просто сокровище! – Дебора сует букет мне под нос. Я наклоняюсь и вдыхаю.

– Так вот как пахнут цветы! Никогда не видела их так близко, так что даже понятия не имела.

Николас вздыхает, подняв очи горе.

– И вот еще что мне привез Николас, посмотри. – Дебора откидывает крышку черной бархатной шкатулочки, внутри которой поблескивает лента с коричневыми бриллиантами. Никогда не понимала этого увлечения ими. Такое уродство мне не нужно. Подари кто-нибудь такое, я бы никогда и не надела. И все же меня чуть ли не подташнивает от зависти.

– Вы счастливица, – произношу я, не отрывая взгляда от Николаса. Голос звучит фальшиво, и я знаю, что мы все это слышим. – Какой был повод?

– Наша с Гарольдом годовщина.

Гарольд, ссутулившись, дремлет в кресле, устроившись на боку. Она будит его, дергая за воротник, пока он наконец не выпрямляется.

– А что он подарил тебе, дорогой? Ключки для гольфа?

Гарольд, подпрыгнув, хрюкает. По разговорам носом он специалист.

– Повезло, повезло, повезло, – пою я. – Вам так повезло, что ваш взрослый сын покупает вам бриллианты и ключки для гольфа в честь годовщины, которая даже не его! Даже представить не могу, до чего он дойдет на нашу с ним годовщину, – выделив местоимение, произношу я, в этот раз не осмеливаясь взглянуть на Николаса. Он хочет поймать мой взгляд, чтобы показать, что уже дошел до точки кипения, а я ему такой возможности не даю.

Беседа с миссис Роуз всегда состоит из ее восторженного кудяхтанья над Николасом пополам с жалобами, так что самое время ей перейти ко второй части. Она спрашивает, почему никто еще не получил свадебные приглашения, ведь она уже выбрала и открытку, и текст. Я молчу, оставив Николаса выкручиваться в одиночку.

По правде говоря, мы с Николасом не можем решить, какое фото с помолвки послать. Большинство пар прикрепляют их к предварительным пригласительным, но так как мы их не

отправляли, Дебора настаивает, что мы Непременно Обязаны Приложить Их К Официальным Приглашениям.

Я хочу использовать ту, где меня сняли в фантастическом ракурсе. Там кажется, что у меня и ресницы длинные, и губки пухленькие, и грудь больше. Вся магия фотогеничности на этом снимке досталась мне, поэтому у Николаса один глаз совсем закрыт, а другой еще закрывается. Фотосессию проводили в довольно морозный день, поэтому на фотографии первыми в глаза бросаются его торчащие под рубашкой соски. Каждый раз смеюсь, когда вижу.

Николас, в свою очередь, хочет использовать тот кадр, где он выглядит как модель из мужского журнала, а у меня от ветра волосы все лицо закрывают.

– О, я думал, мы их уже разослали, – отвечает Николас матери. – Это я виноват.

– Лучше поторопитесь, – предостерегает Дебора. – Или никто не придет.

Уши Николаса дергаются, точно локаторы. В глазах зажигается огонек надежды. Эти приглашения никогда не попадут на почту. У меня нет никакого права обижаться, что он не хочет жениться на мне, потому что я тоже не хочу выходить за него замуж, и все же обидно. Я успокаиваю себя тем, что не хочу выходить за него замуж сильнее, чем он – жениться на мне.

Но когда мы на минутку остаемся одни, улыбка исчезает с его лица и он шепчет мне на ухо:

– Почему ты никогда не встаешь на мою сторону? Ты всегда бросаешь меня одного.

– Ты всегда бросаешь меня первым, – шиплю я в ответ.

«Женщина» приготовила телятину. Телятину я не ем, и миссис Роуз об этом знает; вот почему, до сегодняшнего вечера, в меню всегда было второе блюдо на выбор. Но не сегодня. Должна признать, у нее творческий подход к ответному удару.

Она внимательно наблюдает за мной, жадно ожидая реакции, так что я смотрю ей прямо в глаза и откусываю огромный кусок. Сегодня приходится забыть о собственных моральных убеждениях. Я съем этот несчастный полусформировавшийся зародыш теленка, если это заставит Николаса как полного болвана бросить меня прямо перед его матерью. Вот такая у меня цель сейчас, до чего я докатилась...

Взгляд Николаса пригвозждает меня к месту. Чем сильнее он сердится, тем больше мне хочется танцевать. Он подает столько невербальных сигналов, очень явно подсказывающих, что двигаюсь я в верном направлении: стиснутая челюсть, подергивание мышц, сжатые кулаки. Кто-то должен научить его, как блефовать в покере, или его обернут до нитки. Возможно, даже я, при неизбежном разводе. Мы с моим великолепным адвокатом уедем в закат, забрав все, что у него было.

– Никки просто обожает телятину, – мурлычет миссис Роуз.

Вообще-то нет, но спорить он не станет.

– А что еще любит ваш взрослый сын? – спрашиваю я. – Вы проводите с ним времени больше, чем кто-либо, так что с этим вопросом только к вам. – Я драматично вздыхаю. – Даже сейчас я многого не знаю. Наш Никки на удивление загадочный.

На этих словах он тут же смотрит на меня, и в глазах читается искорка веселья.

– Не стоит себя недооценивать, Наоми, – отвечает он. – Думаю, ты приближаешься к разгадке.

– Да, похоже на то. Хотя потребовалось некоторое время.

– Ну не всем же схватывать на лету.

Я, прищурившись, наблюдаю за ним, перекатывая в руке бокал с клюквенным соком.

– Ты не хочешь поделиться с родителями важными новостями? – наконец произношу, улыбаясь уголком губ.

Он мрачнеет, брови сходятся на переносице, а его мать вне себя от волнения. Наверное, поверить не может, что в его жизни произошло что-то, о чем она узнает не первой:

– Новости? Какие новости? Расскажи нам, Никки.

– Расскажи им, Никки, – копирую я.

Дебора в панике смотрит то на меня, то на него. Разумеется, до смерти боится, что я беременна. Ребенок вне брака! Что скажет пастор Томас? Чтобы напугать ее еще больше, я рассеянно провожу рукой по животу. Она издает какой-то резкий прерывистый звук, точно скрежет стула по деревянному полу.

Николас замечает мой жест.

– Любимая, я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Это нечаянная радость. – Я наслаждаюсь моментом. – Мы не планировали, что все произойдет так быстро, но так устроена жизнь.

– Если есть какие-то новости, – скрипит зубами он, – то точно не у меня.

Я наклоняю голову набок:

– А разве у нас не случилось ничего интересного за последнее время?

– Кстати, о новостях! – вмешивается Дебора, пытаясь переключить внимание обратно на себя. – Приближается моя пятая годовщина в газете.

– Мы знаем, – бормочет Гарольд, раскладывая на коленях льняную салфетку. Дебора выразительно смотрит на него, пока он не заправляет вторую за воротник. Готова спорить, за год она приучит его надевать нагрудничек. – Мы все знаем.

К его огорчению, Дебора накладывает ему на тарелку еще артишоков.

– А они могут не знать.

Она написала об этом Николасу три раза на этой неделе, намекая, что если он хочет пригласить ее в ресторан, то только не в «Руби Тьюздей», «Пиратский дворик» или «Эплби», которые она продолжает бойкотировать, так как разругалась с персоналом.

– Поздравляю, – на автомате реагирует Николас.

– Да, большое достижение, правда? Думаю, я решила проблем больше, чем мэр! Недавно спасала браки на каждом шагу, но вот прочитаешь завтрашнюю колонку – увидишь, что даже я не могу помочь даме, пару дней назад молившей о помощи. – Дебора улыбается, точно съевший канарейку кот. – У нее роман с «мастером на все руки» – с рабочим!

– Как жаль, что Николас не распускает руки... то есть совсем ничего ими не делает, – произношу я, возвращаясь в центр внимания. – Мне приходится со всем справляться самой. Но у меня, что интересно, даже лучше получается.

– Маловероятно. – Взгляд Николаса, кажется, может иссушить меня до мумии.

– Справляться самой? – повторяет Дебора, обернувшись к нему. – Что-то сломалось? Наоми не должна ничего чинить. Так она может только еще больше напортить.

– А выбора нет, – заговорщицким шепотом признаюсь я. – Положение отчаянное, а Николас своим инструментом пользоваться не хочет. – Я касаюсь ногтем губ, видя, как он напрягся.

– Николасу инструменты не нужны, – решительно заявляет Дебора, не замечая, что мы общаемся шифром, скрывающим ненависть. – Если что-то сломалось, вызови мастера.

– Хорошая мысль. Не знаете, о ком там та дама писала?

С Николаса довольно.

– Работать руками, – с выражением говорит он, – не имеет смысла, если твоя невеста думает о чем-то своем и, можно сказать, вообще не участвует в процессе.

Судя по тому, как запотела вилка у него в ладони, руки у него сейчас горячие и влажные. А вот что бывает, когда называешь меня куклой на полке. Так, значит, я мало общаюсь за ужином с его родителями? Ох, как он пожалеет об этих словах.

– Гарольд! – рывкает Дебора.

Гарольд подпрыгивает.

– Что?

– Дети живут в никуда не годной лачуге. Заставь их вызвать рабочих.

Гарольд, заставляющий меня или Николаса что-либо сделать, – сама мысль об этом нелепа. Он не в состоянии просидеть с открытыми глазами хоть одну рекламу. А из кресла Гарольд встает, только чтобы дойти до другого кресла. Они с женой сейчас в парных свитерах винного цвета, и из-под его воротничка с закругленными уголками торчит повышенная волосатость, что заставляет меня искоса взглянуть на Николаса, представляя, каким в старости будет он. Последний раз право на свое мнение у Гарольда было в 1995 году, и с тех пор он живет только ради того момента, когда ему разрешат лечь спать.

Поверьте: большего о Гарольде вам знать не захочется. Он как лазанья, уже три месяца стоящая в глубине холодильника. И с каждым слоем становится все хуже.

За ужином он обязательно пьет сельтерскую воду, а его седые до белизны волосы, как и брови, торчат короткими пучками хлопка. Если сидеть прямо напротив, то сквозь этот причудливый пушок все видится в полупрозрачной дымке. Общается он преимущественно фырканьем, криканьем и хрюканьем. Как-то я наткнулась на него с «Плейбоем» в руках, и он спросил: «Ты когда-нибудь была с мужчиной в возрасте, Нина?»

Мой начальник, мистер Ховард, рассказывал, что знал Гарольда еще много лет назад, и что его «командировки» в Неваду в восьмидесятых на самом деле означали посещение «Мужского клуба Беллы». Как невинный наивный цветочек, я, конечно, представила элегантных джентльменов с сигарами, играющих в карты. Последовавшие потом пояснения Зака оказали в равной степени травмирующее и завораживающее действие.

С Николасом этим открытием я делиться не стала. Придерживая информацию, жду нужного момента – когда собою его с ног, чтобы после такого он точно не смог подняться.

У меня будет мой треклятый лимонный пирог, а твоя мать вообще не приглашена на свадьбу. Удар ногой с разворота. Вместо платья я надену фрак, и мы сбежим, чтобы обвенчаться тайком. Удар ребром руки по горлу. Мы никогда не назовем дочь в честь Деборы. Удар ногой в грудь. Я уже год не пользуюсь воищенной ниточкой для зубов. Апперкот. Твой отец ездит в бордели.

– Позвоните коллектору, – советует Гарольд. – Скажите, что не будет ордера – он ничего не получит. А потом возьмите и спрячьте все в загородном доме.

Хотелось бы мне тоже жить в том мире, где сейчас находится Гарольд, участвующий в какой-то своей беседе, параллельно нашей.

– Вообще-то, – сообщаю я, – мы хотели сказать, что собираемся завести собаку.

– Это не так. – Николас сильнее вцепляется в вилку.

Я потягиваю клюквенный сок. Какая гадость.

– Какую-нибудь маленькую, твякающую. Может, терьера или чихуа-хуа.

У Николаса на щеках желваки ходят ходуном.

– Наверное, мы и кошку тоже заведем, – размышляет он.

Дебора хмурится, глядя на меня:

– А разве у Наоми нет аллергии на кошек?

– В самом деле? – Николас улыбается своей чистой тарелке. Он съел все до крошки, даже грибы в сливочном соусе, которые не любит. Ну что за славный мальчик. Спорим, еще и хвостом виляет – ждет, чтобы его по головке погладили.

Николас делает вид, что задумался:

– Даже, наверное, две кошки, чтобы не скучали.

– А я тут подумала, – перебиваю я (разлад между нами становится все очевиднее, даже Гарольд теперь слушает), – что не буду менять фамилию после свадьбы. Многие женщины так делают.

Это Дебору ни капельки не волнует. Уверена, она даже рада – не придется делить имя с еще одной женщиной. Я невозмутимо меняю тактику.

– Вообще-то... – протягиваю я. – Сейчас бывает, что имя меняет мужчина. «Николас Уэстфилд», в этом есть своя прелесть.

– Он не может поменять фамилию! – вскрикивает Дебора.

– Почему нет? Женщины же постоянно меняют. Что соус для гусыни, то и для гусака.

Николас, не удостоив меня ответом, только качает головой.

– Но это просто смешно! – пыхтит его мать. – У него очаровательная фамилия. Не то чтобы твоя не... звучит... но уж точно не такая необыкновенная, как Роуз, согласишься? «Доктор Роуз», вот как его все знают здесь. И он не будет ее менять. Уверена, он захочет, чтобы и дети тоже носили фамилию его семьи.

– А у нас не будет детей, – объявляю я. – Я бесплодна. Потеряла матку при участии в финансовой пирамиде.

Николас со стуком бросает вилку на стол и встает. Стол он обходит, топая громко, но недостаточно, чтобы заглушить испуганный вскрик матери.

– Уже поздно, – сердито зыркнув на меня, произносит он. – Пойдем, Наоми.

Я взмахиваю рукой в направлении тарелки, притворяясь непонимающей:

– Но я еще не закончила.

– Нет, – схватив меня за руку, возражает он. – Закончила.

Николас так хочет вытащить меня из дома, разве что не перекидывает через плечо. Щеки горят от ощущения победы, и я чувствую, что вся сияю. Тяжелый случай. Вот так я хотела выглядеть на фотографии для свадебных приглашений. Очень хочется упасть на пол и смеяться, пока не треснут ребра, но меня тащат к двери. Сейчас он весь сгусток напряжения.

– Спасибо за ужин! – радостно кричу я через плечо. – Ваш взрослый сын и я очень вам благодарны!

– Перестань так говорить! – яростно требует он, дергая меня за руку, когда я упираюсь каблуками в одну из клумб.

– Перестать благодарить за обед? Это не очень красиво, Никки.

По дороге домой мы терпим друг друга молча, мысленно готовя аргументы для спора. Остановившись в пятне света на нашей подъездной дорожке, тут же выходим из машины, с такой силой хлопнув дверьми, что ураган бы обзавидовался.

– Не хлопай дверью моей машины! – Ага, будто сам ее мягко прикрыл. Он просто обожает этот символ своего положения в обществе и наверняка женился бы на ней, если бы это было приемлемо в социальном плане.

– Твоя машина не настолько красивая и даже не первая в рейтинге надежности автомобилей. Надеюсь, птицы будут какать на нее каждый божий день до скончания веков! – Прямо на лобовое стекло у самого его лица, получится отличная белая клякса.

– Ты бесишься, потому что сама сидишь за рулем шерстяного мамонта.

– С моей машиной все в порядке.

– Не сомневаюсь, когда-то она была в отличной форме, году так в 1999-м.

Вы только послушайте! Да он вряд ли вообще водил машину старше двух лет.

– Покупаю то, что могу себе позволить. Не у всех такие богатые родители, способные оплатить обучение в школах для мажоров в Новой Англии.

– Хочешь учиться в колледже? Так иди учись! Но не надо наказывать меня за то, что могу позволить себе купить прекрасный автомобиль.

Вот мы и подошли к главной причине. У Наоми нет диплома об окончании колледжа. У Наоми нет шикарного автомобиля. Как же оценить ее без этих необходимых вещей? Мои родители сказали бы, что стоило больше трудиться и подать заявки на стипендии. А та фраза Николаса во время игровой вечеринки – что мне не нужна работа и как никто не верит в меня. Жаль, нельзя вернуться в прошлое, я бы дважды дверью хлопнула.

Я замедляю шаг, чтобы зайти в дом последней: можно будет устроить такой тарарам, как захочу. Стены трясутся, пол под ногами расходится, точно тектонические плиты. Потолок идет трещинами, превращаясь в карту черных извивающихся дорог.

Мы принимаем боевые стойки, готовясь к битве, глаза застилает малиновым туманом, в воздухе пульсирует злоба.

– С твоим датчиком уровня топлива все в порядке. – Одна из самых язвительных фраз, что я могла сказать. – Ты просто не можешь признать, что не заметил, как низко опустился уровень бензина.

Глаза у него совсем безумные. Тем вечером у Брэнди я заметила, что радужка меняет окрас, и сейчас они цвета четырех всадников Апокалипсиса, скачущих на монстрах, слепленых из грозовых туч. Я почти вижу вспышку молнии, предвещающую дождь из саранчи. Он ерошит волосы. Разноцветное колесо оскорблений крутится у него в голове и останавливается на том, которого я не ожидала.

– Мне не нравятся твои спагетти. Совсем безвкусные.

Как скажешь. Теперь у меня есть отговорка, чтобы не готовить.

– Мне не нравится твой тупой галстук из «Как приручить дракона».

Он так гордится этим галстуком, потому что на нем изображен Беззубик. Остроумный каламбур, когда твоя профессия дантист.

От гнева у него вспыхивают щеки.

– Забери свои слова обратно.

Пожимаю плечами, улыбаясь про себя. Но, судя по его реакции, мое маленькое злорадство не так незаметно, как я думала.

– Иногда я спрашиваю себя, почему вообще пытаюсь быть с тобой.

Полностью это чувство разделяю.

– Да, и почему же?

И он не выдерживает.

– Ты постоянно жалуешься на маму, будто я сам не знаю, как она усложняет нашу жизнь. И то, что ты нудишь без конца и всегда бросаешь меня на растерзание волкам, положения не улучшает! Ты и сама-то не подарок, Наоми. Думаешь, в тебе меня все устраивает? Думаешь, я не чувствую, что способен на большее, если бы мне не мешали?

Его грудь тяжело вздымается, и выглядит он так, будто может сейчас выбежать за дверь и больше не вернуться. Чтобы раззадорить его еще сильнее, я выдаю смешок.

– О, пожалуйста, просвети же меня, Николас, как это я тебе мешаю?

Теперь он в ярости. Галстук распушен, руки в боки, и так возмущен, что видно, как сокращаются поры кожи, сквозь которую пробивается намек на щетину. Вместо рта – презрительный изгиб. Взгляд опускается на логотип «Стилерз» на моей толстовке, и он стискивает челюсти с такой силой, что я понимаю, теперь там есть тонюсенькая трещинка с моим именем. Рентгенолог будет в шоке, однажды увидев слово «Наоми», выбитое прямо на кости.

– Например, я ненавижу этот дом.

Брови у меня ползут вверх так высоко, что почти касаются челки.

– Ты же сам его выбрал.

Провстречавшись одиннадцать месяцев, мы взяли свои одинокие жизни и объединили в одну. Этот был первым из предложенных домов. В нас бурлила энергия и порхали бабочки, планы строились один за другим. Мы повесим полки. Может, хозяин позволит нам поменять кафель в ванной. Заниматься всем вместе, как будет весело!

Вспоминать прошлое, более счастливое время – как вспоминать сон, который приснился сто лет назад: все в каком-то искаженном цвете и совсем лишено смысла.

Осматривая этот дом, мы мечтали, каким сделаем наше уютное гнездышко, так что не обратили внимания на узкую подъездную дорожку, куда две машины вставляли с трудом. Не

заметили, что полы неровные, и теперь стоит мне уронить бальзам для губ, как приходится бежать за ним, пока не закатился подо что-нибудь. О том, что свободная комната под кабинет только одна, мы тоже не подумали.

Она, конечно же, отошла ему.

– Иногда я принимаю опрометчивые решения, – парирует он, явно намекая на свое предложение руки и сердца. – Мне не нравится наша улица и вообще этот район. Если смотреть с нужного ракурса, Моррис очень живописный городок, а мы поселились в самой уродливой его части. Здесь ничего нет.

Он видит вопросительный знак, отразившийся на моем лице.

– Я лучше бы жил поближе к природе! – выпаливает он. – Вокруг нас леса, поля, а тут дворик крошечный, плевком до забора долетит.

– Ну и что? – подталкиваю я. – Хочешь стать одним из тех, из рекламы? Сидеть на горе со своим лабрадором-ретривером и сходить с ума по запаху леса?

– Да! – почти кричит он. – Хочу! Думаю, в таких условиях мне будет лучше всего. Но ты же этого не допустишь, Наоми. Я сразу могу сказать. Ты вполне довольна в своей бетонной тюрьме...

– О боже, – закатываю глаза я так сильно, что вижу потусторонний мир. – Сходи в поход.

– ...мечтаешь об осенней или весенней депрессии, заперев себя в темной комнате и не высовывая носа наружу. Дорога до работы не считается, потому что по пути ты сидишь в машине. И я вижу тебя, Наоми. Вижу, что ты никогда не смотришь на небо, не можешь просто остановиться и понюхать... – Он видит, с каким нетерпением я жду продолжения, поэтому резко заканчивает: – Знаешь, ты же вообще не живешь.

– А я и не догадывалась, что тебе так хочется быть поближе к природе, – говорю я, пальцами показывая знак кавычек. Он это терпеть не может. – Чего ты там насмотрелся по «Ютубу» в своей компьютерной жене? Нет, серьезно, откуда это взялось?

– Из МОЕГО СЕРДЦА! – орет он, и получается так искренне и взволнованно, что меня сгибает пополам от хохота. – Заткнись! Прекрати смеяться!

Теперь он меряет шагами комнату. Похоже, всерьез об этом размышлял. Кто этот человек в моей гостиной с глазами цвета Армагеддона и страстным желанием пускать камешки по озерной глади?

– Я хочу шлем с фонариком на лбу, – не успокаивается он. – Хочу камин. Дробовик, вдруг к дому подберутся койоты. Хочу лопаты и сарай для них. Хочу каноэ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.